

Герой — время

...В зрительном зале еще горит полный свет, еще не все зрители заняли свои места, а на сцену уже вышел незаметный паренек в униформе. Снял оберточную бумагу со стула, извлеченного из груды упакованных декораций, присел на него и начал крутить ручку настройки радиоприемника. После нескольких фраз из выпуска последних новостей вдруг возник голос Бориса Николаевича и знаменитое: "Я ухожу"... Еще один поворот ручки — и Михаил Сергеевич произнес что-то о необходимости ускорения... Поворот — и новость о том, что на конкурсе в Сопоте победила молодая советская певица Алла Пугачева... А затем на сцене появятся герои пьесы, Он и Она, встретившиеся в курортной Ялте 1975-го, и начнут раскручивать клубок времени...

Это — начало спектакля "Лист ожиданий", поставленного в 2004 году на сцене Одесского русского театра Иосифом Райхельгаузом. Автор пьесы — одессит Александр Мардань. Правда, родиться в Одессе ему "не удалось". Леонид Утесов писал: "Многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удается. Для этого надо, чтобы родители хотя бы за день до вашего рождения попали в этот город". Родители Александра Марданя, одесситы, напротив, перед рождением сына уехали из родного города. Окончили "водный" и были направлены во Владивосток. Отработав положенный срок, вернулись сюда уже с сыном.

(Кстати, тот же "водный" окончили Михаил Жванецкий и Виктор Ильченко. Родители Александра Марданя дружили с ними. Вышедшая в 2004-м книга Жванецкого "Одесские дачи" завершается светлой и горькой страницей — страничкой из старой записной книжки автора. Колонка имен, фамилий и телефонных номеров. Александр Мардань нашел здесь: "Тамара Мардань", — и свой бывший домашний номер. Мама.)

Итак, Александр Мардань родился в 1956 году во Владивостоке, затем с родителями переехал в Одессу. Дальше можно перечислить, где и как жил, учился, работал, а можно привести несколько цитат из его пьесы "Лист ожиданий", в ткани которой время от времени, словно биение пульса, "прощупываются" фразы, которые пересекаются с биографией автора.

"ОН. ...Я, кстати, в драмкружке Треплева играл".

Играл в драмкружке. Правда, ставили не чеховскую "Чайку", а "Обыкновенное чудо" Шварца и "Сильное чувство" Ильфа и Петрова. Собственно, именно там, в драмкружке и на уроках литературы в школе № 116, Мардань и "заболел" театром и драматургией. Номер школы назван не случайно. Вряд ли что говорящий иногородним, для одесситов он — Знак. В свое время "сто шестнадцатая" была одним из немногих островков свободы, школой, где воспитывались Личности.

"ОНА. Вы в самом деле моряк? Или только до утра?"

ОН. Моряк, моряк, только "камышовый", то есть береговой. Инженер в порту, в одесском".

Александр Мардань окончил тот же, что и его родители, Одесский институт инженеров морского флота. Работал в "Инфлоте".

ОН. Из порта я уволился, так что нищему пожар не страшен.

ОНА. Но ты же был без пяти минут начальник порта!

ОН. Вот именно — без пяти. Все, сюрплас закончен.

ОНА. Что закончено?

ОН. Сюрплас. Видела, как велосипедисты балансируют, чтобы быть ближе к стартовой черте, но не пересечь ее раньше времени? Мне надоело так балансировать".

В начале девяностых Александр Мардань оставил морфлотовскую карьеру и ушел в "свободное плавание". Сегодня он возглавляет крупную компанию. И — пишет. Несмотря на то, что "бизнес — это тот же ребенок, которого ни на минуту нельзя оставить. А древние греки предупреждали — или дети, или книги" ("Лист ожиданий").

У Александра Марданя — "и дети, и книги". В свое время были сценарии, по которым снимались документальные ленты на "Укртелефильме", лет двадцать назад был написан "День гражданских дел", который, увы, так и не был поставлен ни на экране, ни на сцене. И вот в 2003-м был написан, опубликован, а затем и поставлен "Лист ожиданий". Не стопроцентно автобиографичный, но пронизанный цитатами из биографии автора и — целого поколения.

Действительно, "каждый пишет, как он дышит". Но в пьесах Александра Марданя, кроме авторского, чувствуется дыхание времени. В "Листе ожиданий", конечно же, это ощутимо больше, ведь герои пьесы — Он, Она и Время. Причем многие читатели и зрители видят в третьей вершине этого треугольника, третьем герое — главное действующее лицо.

В отличие от первой пьесы, в "Уравнении с одним неизвестным" (эта пьеса А. Марданя была опубликована в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" № 19) время не заявлено автором как одно из действующих лиц, но... В полной темноте луч фонарика был направлен на солнечные часы. В итоге ситуация, которая не раз и не два уже происходила в мировой истории, сложилась еще раз — в наше время. В безошибочно узнаваемом 2004-м.

...По давно известному написанному правилу, чтобы состояться (в том числе — в литературе), одесситу надо уехать из родного города. Не покинувшие "провинцию у моря", увы, должны быть готовы к тому, что их произведения за рамки этой прекрасной провинции не выйдут. Вопреки сказанному, первая пьеса одессита Александра Марданя "Лист ожиданий" хоть и была поставлена на одесской сцене Иосифом Райхельгаузом — бывшим одесситом, сугубо "внутренним" продуктом не стала. Одновременно с одесской прошли премьеры спектакля в Липецком драматическом театре, которым руководит В. Пахомов. Недавно пьеса переведена на украинский язык и поставлена А. Дзекуном в Киеве. Какая судьба ждет следующие произведения Александра Марданя — покажет время. Время, которое играет свою роль и в его новой пьесе, которую сегодня мы предлагаем нашим читателям.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Последний герой

Реалити-шоу

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

ВИКТОР

ЛЮДМИЛА

КАТЯ — их дочь

ВИТАЛИЙ — маклер

КОСЯ — сосед

СТАЛИНА ПЕТРОВНА — соседка

ТАТЬЯНА — старшая сестра Людмилы

СТРОИТЕЛИ

Действие пьесы происходит в двухкомнатной "хрущевке",
в городе, жители которого говорят по-русски.

Действие первое

Картина первая

Комната в "хрущевке" — гостиная, она же столовая, она же кабинет. Интерьер, по которому можно проследить всю историю этого жилья. На стенах — фотографии в рамках. Типичная советская мебель — "стенка" с хрусталем, диван, ковер на стене.

В центре комнаты стоит ведро, в которое с ритмичным звуком падают капли.

В углу — телевизор, развернутый экраном от зрительного зала. Перед экраном застыла девушка. Ей лет 20-25. Волосы рыжие. Одета в яркое пончо и джинсы. В ногах у нее стоит дорожная сумка. Девушка держит в руках свитер и неотрывно смотрит на экран. Мужской голос вещает: "Лена. Лена. Вика. Олег. Наташа. Вика. Вика. Михаил. Вика". Голос умолкает.

Девушка издает победный клич, хватается телефонную трубку, набирает номер.

КАТЯ. Алло! Да, я. Только что закончилось. Сказать? А что мне за это будет? *(Пауза.)* Будешь мыть посуду всю неделю. *(Пауза.)* Два дня??? Сиди и мучайся. *(Пауза.)* Ла-а-адно, я сегодня добрая... Они съели эту сопливую Вику!!! *(Пауза.)* Закон джунглей! *(Пауза.)* Да, я уже почти собралась. Сейчас, только носки теплые найду — и выезжаю. Ага.

Катя кладет трубку, идет к открытому платяному шкафу, перебирает вещи на полках.
Входит Людмила с букетом цветов и сумкой в руках.

ЛЮДМИЛА. Катюша!.. *(Подходит к ней, целует в щеку. Видит ведро.)*
Опять этот фонтан слез! Чистый Бахчисарай.

КАТЯ. Я бы сказала — не очень чистый.

ЛЮДМИЛА. Все прогнило за сорок лет... Я к Лёне поднимаюсь.

КАТЯ. Бесполезно. Я уже поднималась, граница на замке.

ЛЮДМИЛА. Сейчас перельется! *(Отдает Кате цветы и сумку, берет ведро и выходит. Кричит из кухни.)* А где папа?

КАТЯ. Ни малейшего... Я пришла — его не было.

ЛЮДМИЛА *(возвращается в комнату с пустым ведром, ставит его на прежнее место).* Наверное, в магазин пошел, я просила его горошек купить. Будет твоё любимое оливье. *(Берет у Кати сумку, уходит на кухню.)*

КАТЯ. Кто именинник?

ЛЮДМИЛА *(из кухни).* Революция. В смысле — примирение. Какая разница, как называть? Просто посидим за столом, по старой памяти.

Катя кладет букет на стол и продолжает вынимать из шкафа теплые вещи и укладывать их в сумку. Из кухни выходит Людмила с тарелками в руках, ставит их на стол.

ЛЮДМИЛА. Ты что, уже собралась? Пожалуйста, дождись папу, посидим немножко...

КАТЯ. Ладно.

ЛЮДМИЛА. Это какой цвет?

КАТЯ *(проводит рукой по волосам).* Красный янтарь.

ЛЮДМИЛА. А в прошлый раз что было?

КАТЯ. Вишня.

ЛЮДМИЛА. Гнилая? Нет, янтарь лучше. Может, и мне попробовать?

КАТЯ. Ты и вишню собиралась пробовать. Все равно не решишься.

ЛЮДМИЛА. Да, не решусь... Боюсь, что как наша химичка, забуду, какой цвет настоящий.

КАТЯ. Эта та, которую Щелочью прозвали?

ЛЮДМИЛА. А как меня за глаза называют?

КАТЯ. Сама знаешь. Короче, месяц не покрасишься — вспомнишь. Или постригись иначе... Мебель в квартире переставь...

ЛЮДМИЛА. От перестановки мест слагаемых... Простор в тридцати метрах не появится.

КАТЯ. Но нельзя так жить! В консервной банке, с раз и навсегда расставленной мебелью... По школьному расписанию. И каждый год объяснять юным идиотам, кто такая Настасья Филипповна и почему Раскольников — лишний человек.

ЛЮДМИЛА. Лишней оказалась старушка... Вместе с Печориным. И никакие они не идиоты...

КАТЯ. А кто? Кем надо быть, чтобы сегодня учителям таскать букеты! Врачи в кабинетах таблички вешают: "Доктор цветы и конфеты не пьет!". Первого сентября напиши на доске: "Учителя — не пчелы, цветами не питаются!".

ЛЮДМИЛА. А когда тебе букет дарят, ты тоже так думаешь?

КАТЯ. Конечно! Дома — только горчица и уксус, денег — едва на маршрутку хватит... Выходишь кланяться, а тебе на сцену — цветы. Лучше бы палку колбасы подарили. Или (*мечтательно*) головку сыра...

ЛЮДМИЛА. Артист, как и художник, должен быть голодным.

КАТЯ. Это коммунисты придумали, чтоб денег не платить.

Входит Виктор, снимает куртку, вязаную шапочку.

ВИКТОР. Девчонки, привет! Ругаетесь? Ну и погодка... Собаку никто не выгонит.

КАТЯ. Как бабушка говорила, — какая власть, такая и погода.

ВИКТОР. Кать, при чем тут власть? (*Видит ведро.*) А у нас что, капает?

КАТЯ. Как всегда, Леня протек.

ЛЮДМИЛА. Вить, ты горошек купил?

ВИКТОР. Ой, прости, Люда, забыл. Ну, будет салат без горошка.

ЛЮДМИЛА. Ладно... Накрываем на стол! Катя, помогай.

Людмила уходит на кухню, Катя вдвоем с отцом передвигает стол, стоявший у стены, в центр комнаты.

КАТЯ (*смотрит вверх*). Здесь же течет.

Виктор снимает телефонную трубку, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Леня? Это Виктор. (*Пауза.*) Леня, от твоего стояка у меня хронический столбняк. Ну, приди, посмотри! (*Пауза.*) Да не нужна мне твоя побелка. Раз в две недели. Вонь такая, что на кухне спим. (*Пауза.*) Леня! Не смей меня! (*Пауза.*) А моральная компенсация? Что? Литр за литр? Только если коньяка. (*Кладет трубку.*)

КАТЯ. Так куда стол ставить?

Вдвоем передвигают стол на центр комнаты.

ВИКТОР. Следи, куда капнет. (*Достает из серванта хрустальную вазу.*)

КАТЯ. Вот. *(Показывает точку на столе.)*

ВИКТОР. Отлично. *(Ставит вазу именно на это место.)*

ЛЮДМИЛА *(кричит из кухни).* Витя, цветы в воду поставь.

ВИКТОР. Уже. *(Ставит букет в вазу, в которую капает вода с потолка.)* Надеюсь, водичка чистая?

КАТЯ. Проточная, фильтрованная.

Входит Людмила, ставит на стол миску с оливье.

ЛЮДМИЛА. Что у него там?

ВИКТОР. Как всегда.

ЛЮДМИЛА. Вить, носи холодец.

ВИКТОР. Хрен есть? А то придут гости и скажут, что на столе ни хрена нет.

ЛЮДМИЛА. Я эту шутку полжизни слышу. Кстати, Витя, почему пакет с мусором лежит в коридоре? И воздуха не озонирует.

ВИКТОР. Как лежит? Я же выбросил! *(Выходит в коридор, возвращается с пакетом в руках.)* Блин! Что же я тогда выбросил?

ЛЮДМИЛА. А где мой пакет с тетрадами?

ВИКТОР. Повезло твоим ученикам. Всем пятерки!

ЛЮДМИЛА. Немедленно вниз! Ищи и без них не возвращайся!!!

Виктор выходит. Людмила вытирает стаканы и расставляет их на столе.

КАТЯ. Леня поменял график? Тек раз в квартал. Теперь — ежемесячно. В любой нормальной стране его бы по судам затаскали, и оплачивал бы ремонт всем, до первого этажа, как миленький.

ЛЮДМИЛА. Это потому что там соседи — случайные люди. А мы друг другу не чужие. Столько лет вместе. Тем более — наш дом...

КАТЯ. Знаю-знаю. Дом Павлова, героическая оборона, историческая победа... Дедушка эту историю перед сном рассказывал, вместо сказки. Так что, я в курсе.

ЛЮДМИЛА. Ну в кого ты такая злючка?

КАТЯ. Не злючка. Просто наши семейные легенды пахнут нафталином...

Звонит телефон. Катя берет трубку.

КАТЯ. Алло! Что? *(Пауза.)* Какие грибы?.. Сам гребь отсюда, подберезовик! *(Кладет трубку.)* Палата номер шесть...

ЛЮДМИЛА. Кто это?

Снова звонит телефон, трубку берет Людмила.

ЛЮДМИЛА. Да... Мужчина, вы ошиблись. Никто вам не хамит. Какой номер вы набираете? *(Пауза.)* А где?... *(Пауза.)* Наверное, ошибка в объявлении. И больше сюда не звоните. *(Кладет трубку.)*

Входит Виктор с пачкой тетрадей в руках.

ВИКТОР. Не повезло твоим ученикам, не успели еще мусор вывезти... Роюсь я в баке, глянул вверх — баба Сталя к своему окошку прилипла, чуть стекло не выдавила. А тут еще из подъезда выходит... как его... полковник с третьего этажа. Говорит: "Коммунисты вам не нравились? А теперь на помойках роетесь! Интеллигенция...".

ЛЮДМИЛА. Вита! Только что мужчина звонил. Номер наш. Спрашивает, почему грибница шампиньонов.

ВИКТОР. Люд, понимаешь, компания набирала людей — сидеть на телефоне, принимать заявки. Я согласился, дал номер. Аванса не заплатили... Отказался. Что, неправильно?

ЛЮДМИЛА. Молодец! Правильно!

КАТЯ. Предоплата портит человека, но ее отсутствие портит еще больше.

ЛЮДМИЛА. Теперь будешь отвечать на все звонки. Только даром. Пока грибники не отстанут.

ВИКТОР. Ладно. Позвонят недельку — и успокоятся. Ну что, садимся?

Усаживаются за стол. Виктор открывает бутылку водки, наливает всем по рюмке. Звонок в дверь. Людмила идет открывать. Возвращается в комнату вместе со старушкой, которая несет перед собой тарелку.

ВИКТОР. Заходите, Сталина Петровна!

КАТЯ. Здравьете, бабушка Сталин!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здравьете! Я вам пирожков принесла.

КАТЯ. Умер кто?

ЛЮДМИЛА. Катя!!!

Катя встает из-за стола, достает из сумки плеер, надевает наушники, садится в кресло и закрывает глаза.

ЛЮДМИЛА. Не обращайтесь внимания, английский учит, экзамен завтра.

ВИКТОР. Присаживайтесь, тетя Сталя. Отметим красный день календаря? С чем пирожки?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. С грибами.

ВИКТОР. Спасибо! Я потом.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Что ты, Витя... Хорошие грибы, с магазина!

ЛЮДМИЛА. У него с желудком проблемы, а мы с Катюшей съедем, спасибо. Вы присаживайтесь.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Людочка! Мы вчера с дедом пенсию получили. Может, тебе одолжить? Ты не стесняйся...

ЛЮДМИЛА (*смеется*). Спасибо! У нас все в порядке. Просто Витя не то, что нужно, в мусор выбросил.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Понятно... Я пойду, меня дед ждет, мы тоже отметить собираемся. Людочка, ты передачу эту смотришь?.. Забыла название... Герои нашего времени? Артисты на острове живут, голые ходят, червяков едят...

ЛЮДМИЛА. Я с этими уроками телевизор совсем не смотрю.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Жалко. Мы сегодня пропустили. Хотела узнать, кого там выгнали.

КАТЯ (*не снимая наушников и не открывая глаз*). Вику.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Спасибо, Катюша! Пойду, деду скажу, а то волнуется. Он за Наташу болеет. Такую, рыженькую...

Уходит. Людмила, проводив ее, возвращается в комнату, садится за стол.

ЛЮДМИЛА (*Кате*). Сколько можно из-за тебя краснеть?

КАТЯ (*снимая наушники*). Зачем дитя культа приходило?

ЛЮДМИЛА. Прекрати чушь нести... совсем не прекрасную. Знаешь, какую она жизнь прожила? И имя не помогло...

КАТЯ. Правильный мэн был Раскольников... Каждый раз это понимаю, когда захожу в парадную мимо этих пираний на скамеечке.

ЛЮДМИЛА. В нашу ты раз в месяц заходишь. И то — когда темно. (*Поднимает рюмку*.) Ну что, с праздничком?

ВИКТОР. Девчонки, стоп! Не закусываем! (*Уходит на кухню, возвращается с баночкой красной икры*.)

ЛЮДМИЛА. Икра?! Откуда?

ВИКТОР. А — спецпаек. Б — стол заказов. В — купил у спекулянтов. Г — дали взятку.

ЛЮДМИЛА. Помощь зала.

КАТЯ. Нашел в мусорном баке.

ВИКТОР. Ответ правильный! Ну — за революцию! Чтобы верхи могли, а низы хотели.

ЛЮДМИЛА. Это уже контрреволюция.

ВИКТОР. Тогда за эволюцию!

Выпивают.

ЛЮДМИЛА. Катя, положить тебе оливье?

ВИКТОР. Оливье — это не просто французское имя. Это символ развитого социализма! Так же, как винегрет — символ недоразвитого.

ЛЮДМИЛА. Ты не перепутал историю с кулинарией?

ВИКТОР. Нет! Как завещал нам Венечка Ерофеев? Все можно, кроме одного — нельзя ошибаться в рецептах! Вон у Леньки (*показывает на потолок*) Светка стала в оливье вместо горошка кукурузу класть. Кошунство!

ЛЮДМИЛА. Теоретик... Что ж ты горошек забыл купить?

Звонит телефон. Виктор снимает трубку.

ВИКТОР. Алло! Алло, я слушаю! Говорите! (*Некоторое время ждет, потом кладет трубку.*) Молчат.

Пауза.

ВИКТОР (*смотрит на Людмилу*). Подозрительно молчат.

ЛЮДМИЛА. Это как?

ВИКТОР. Дышат. С выражением.

Вдруг Катя визжит.

ЛЮДМИЛА. Ты что?

КАТЯ. За шиворот капнуло. (*Смотрит вверх.*)

ВИКТОР. А мне — в рюмку. Это уже перебор.

Снова звонит телефон.

ВИКТОР. Алло! Ленья? Что у тебя там? (*Пауза.*) Это ты звонил? (*Пауза.*) Ладно, сейчас. (*Кладет трубку.*) Я к Леньке поднимусь, помогу, у него вообще все поплыло.

ЛЮДМИЛА. Это он сейчас звонил?

ВИКТОР. А есть еще варианты?

КАТЯ. Помощь зала.

Виктор поднимается из-за стола, выходит.

ЛЮДМИЛА. Кать, возьми шпроты.

КАТЯ. Ма, мне пора.

ЛЮДМИЛА. Посиди еще.

КАТЯ. Завтра на работу рано. У нас переучет. А вечером — репетиция. *(Встает из-за стола, берет собранную сумку.)* Я еще хотела кастрюлю забрать — большую, в красный горох...

ЛЮДМИЛА. Да, конечно. *(Выходит на кухню, возвращается с кастрюлей.)*

КАТЯ *(запихивая кастрюлю в сумку).* Славка пельмени любит. А у нас одна, маленькая, пельмешкам в ней тесно.

ЛЮДМИЛА. Когда ты нас познакомишь?

КАТЯ. Мы еще сами толком не познакомились... Ну все, я побежала. *(Целует Людмилу в щеку, уходит.)*

Людмила прохаживается по комнате, достает из сумочки сигареты, закуривает. Смотрит на потолок. Снимает телефонную трубку, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Алло! Привет. *(Пауза.)* Как дела? *(Пауза.)* Нет, ничего не случилось. Был звонок... Это не ты?.. Понятно... С праздником тебя! *(Смеется.)* А с каким хочешь? Вы что, не празднуете? *(Пауза.)* А мы вот посидели немного. *(Пауза.)* Нет, я же говорю — все в порядке. Что у нас может измениться? Семьи, в которых каждый день варят суп, разрушаются в последнюю очередь. *(Пауза. Слышно, как хлопнула дверь.)* Ну, ладно... Целую. *(Кладет трубку.)*

Входит Виктор.

ВИКТОР. А где Катька?

ЛЮДМИЛА. Ушла в семью.

Виктор садится за стол, наливает себе и Людмиле, поднимает рюмку.

ВИКТОР. Ну? За что?

Людмила пожимает плечами и молча выпивает.

ВИКТОР. Как скажешь. *(Выпивает.)*

Звонок в дверь.

ВИКТОР. Опять Катька что-то забыла!

Людмила уходит открывать. Возвращается с мужчиной средних лет. Он — в элегантной кожаной куртке, в костюме, в руках — папка для бумаг.

ЛЮДМИЛА. Витя, это к тебе.

МУЖЧИНА. Виктор Александрович? Здравствуйте! Меня зовут Виталий Сергеевич, фирма "Атлантида".

Виктор встает из-за стола, они пожимают друг другу руки.

ВИТАЛИЙ (*оглядывая стол*). С праздничком вас! Извините, что отрываю...

ВИКТОР. Ничего, вы присаживайтесь!

ВИТАЛИЙ. Нет, спасибо, я постою.

ЛЮДМИЛА. Нет уж, вы присядьте.

ВИТАЛИЙ. Понимаете, примета такая есть — нельзя садиться, пока сделку не заключили. Так что, я постою, если позволите.

ЛЮДМИЛА. Ни в коем случае! Нельзя, чтобы гость стоял в доме, где невеста на выданье. Так что...

ВИТАЛИЙ. На выданье? (*Достает блокнот, листает его.*)

ВИКТОР. Садитесь-садитесь! Что за разговор на ногах? Давайте, к столу. Может, рюмочку?

ВИТАЛИЙ. Спасибо, не пью.

ВИКТОР. Да? А где вы родились?

ВИТАЛИЙ. В Бухаре.

ВИКТОР. Ну, тогда ладно.

Виталий садится за стол, Людмила ставит перед ним тарелку и уходит на кухню, Виктор наливает себе водку.

ВИКТОР. Водички?

ВИТАЛИЙ. Не откажусь.

ВИКТОР. Грешите! В праздник — работать... Ну, будем! (*Вытывает.*)

ВИТАЛИЙ. А что делать? Единственный шанс застать людей дома. Всех жильцов обойти надо, поговорить. Я к вам с предложением.

ВИКТОР. Что продаете?

ВИТАЛИЙ. Покупаем... Вас.

ВИКТОР. Лично меня? (*Наливает себе еще рюмку.*)

ВИТАЛИЙ. Нет, всех в вашем доме.

ВИКТОР. Тела, души? Оптом? В розницу? (*Накладывает себе и Виталию закуски, едят.*)

ВИТАЛИЙ (*смеется*). Оптом, конечно же.

ВИКТОР. И почему?

Входит Людмила, присаживается к столу.

ВИТАЛИЙ. Приятно иметь дело. Вы сразу... быка за рога. К сожалению, сейчас точную цену я вам назвать не смогу. Конечно, для вашего района "вилка" определена, но окончательная цена зависит — есть ли долги по коммунальным платежам, хотите ли менять номер телефона, нужна ли помощь при переезде...

ЛЮДМИЛА. Простите, я не поняла... Вы о чем?

ВИТАЛИЙ. О вашей квартире. Мне сказали, что вас уже поставили в известность... Наша компания начинает строительство нового комплекса. Ваш и три соседних дома будут сносить. *(Заглядывает в блокнот.)* Квартира приватизирована?

ЛЮДМИЛА. Да, а что?

ВИТАЛИЙ. Есть и другой вариант. Вы можете не брать деньги, а просто определиться со своими требованиями, и наша компания подберет вам другую, такого же метража, в указанном вами районе...

ЛЮДМИЛА. Нет!

ВИТАЛИЙ. Что — "нет"?

ЛЮДМИЛА. Меня никакие варианты не устраивают! Это квартира моих родителей. Я тут выросла.

ВИТАЛИЙ. Ну, мало ли кто где вырос... *(Заглядывает в блокнот.)* Людмила Николаевна! Виктор Александрович! Я понимаю, что вопрос сложный и за одну минуту не решается. А вы, оказывается, еще не были в курсе... Конечно, вам надо подумать. Но есть время, чтобы определиться, какое жилье вы хотите. А мы все найдем. Или вы найдете, а наша фирма оплатит покупку. *(Пауза. Заглядывает в блокнот.)* Здесь прописано...

ВИКТОР. Трое.

ВИТАЛИЙ. Да. *(Делает пометки в блокноте.)* Детей нет.

ЛЮДМИЛА. Как нет? У нас дочь.

ВИТАЛИЙ. Это которая на выданье? Значит, опекунский совет не нужен. Так и запишем. В местах лишения свободы никого?

ЛЮДМИЛА. Типун вам на язык!

ВИТАЛИЙ. Так и запишем. В армии?

ВИКТОР. В запасе.

ВИТАЛИЙ. Должен предупредить: ЖЭК предоставил справки о количестве жильцов, и со вчерашнего дня прописка прекращена.

ВИКТОР. На что вы намекаете?

ВИТАЛИЙ. Почему намекаю? Я говорю прямо. Сейчас все начнут срочно выходить замуж, прописывать к себе родственников... Но при расселении будут учитываться только те, кто прописан на сегодняшний день,

то есть на седьмое ноября. Кстати, с праздничком вас еще раз. (*Поднимается из-за стола.*) Вот моя визитка, телефоны... Жду вашего звонка.

Виктор встает и провожает гостя к выходу. Людмила в растерянности сидит у накрытого стола. Виктор возвращается в комнату, закуривает. Раздается звонок. Виктор идет открывать. Входит мужчина средних лет в шлепанцах, спортивных штанах и пиджаке, надетом на майку.

ЛЮДМИЛА. А, Костя... Заходи.

КОСЯ. Ну и как вам этот... типа гигант?

ВИКТОР. Атлант? У тебя тоже был?

МУЖЧИНА. Или! Я подождал, пока он слиняет, и к вам — перебазарить.

Костя садится за стол, Виктор разливает водку, Людмила, накладывает на тарелки закуску.

КОСЯ (*поднимая рюмку*). Ну что, соседи? Вздоргнем?

Все выпивают.

ЛЮДМИЛА. Костя, что же нам делать?

КОСЯ. Картель.

ЛЮДМИЛА. Что?

КОСЯ. Картель. Как у нас в таксопарке. А кто меньше берет — тот... Хер.

ЛЮДМИЛА. Костёр, что ты себе позволяешь?!

КОСЯ. Ну этот... Страйк... Шрек... Брехер! Главное — вместе держаться...

ВИКТОР. За что?

КОСЯ. За цену. И друг за друга. Иначе — спалимся. Если кто меньше бабок возьмет — тогда они и других нагнут конкретно.

ЛЮДМИЛА. Да не в деньгах дело! Даже представить не могу... Я тут выросла. Папа все сам, до последнего гвоздика...

Вдруг раздаются крики, громко хлопает дверь.

КОСЯ. Это баба Сталя! Точно! Все, попал маклер. Когда Павлов дом занимал, она кричала, что ее отсюда только вперед ногами вынесут. Если гроб на нашей лестнице не застрянет. Пойду, посмотрю. (*В дверях останавливается, поднимает руку со сжатым кулаком — "рот фронт!"*.) Картель!!! Но пасаран! На посошок! (*Возвращается к столу, наливает рюмку, вытывает, чмокает Людмилу в щеку.*) Людка, ни шагу назад! Держись! (*Уходит.*)

Долгая пауза.

ВИКТОР. А вот это шанс!

ЛЮДМИЛА. Какой?

ВИКТОР. Один из тысячи. А может, из миллиона.

ЛЮДМИЛА. Вить, неужели тебе наш дом не жалко?

ВИКТОР. Ты знаешь, у меня к нему смешанные чувства. Хотя, мне эта квартира не чужая. Я здесь тоже... Люда, а сколько мы с тобой? (*Пауза.*) Это в марте четвертак!!! Серебряная свадьба! Помнишь, как под университетом стояли и всем — знакомым и незнакомым — говорили: "А мы сегодня расписались!"

ЛЮДМИЛА (*улыбается сквозь слезы*). Потом сюда приехали. И ты меня на четвертый этаж на руках нес.

ВИКТОР. Я и сейчас могу.

Людмила смеется.

ВИКТОР. Не веришь? (*Подходит к ней.*)

ЛЮДМИЛА. Радио включи.

ВИКТОР. Глупая...

Виктор включает радиоприемник, берет Людмилу на руки и уносит в спальню.

По радио звучит "Варшавянка":

"Вихри враждебные веют над нами,

Темные силы нас злобно гнетут.

В бой роковой мы вступили с врагами,

Нам еще судьбы безвестные ждут".

Опустевшая комната, в центре — праздничный разоренный стол. Медленно гаснет свет.

Картина вторая

Та же комната, тот же праздничный стол. Звонит телефон.

Из спальни выходит Людмила — заспанная, в халате. Снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Алло... Да, Катюша. Спасибо. И мы тебя поздравляем. (*Пауза.*) Нет, папа вышел куда-то. (*Пауза.*) Не знаю, я спала. А вы тоже дома сидели? (*Пауза.*) Где? Ого! Интересно! (*Пауза.*) А-а-а! Ясно. Сегодня зайдешь? А завтра? Приходите, вместе с Кириллом. Праздник — хороший повод для знакомства... Ну, пока.

Людмила кладет трубку, собирает со стола тарелки и уходит на кухню.

Открывается дверь, входит Виктор. Он вносит елку, на которой сиротливо висят нитки "дождика". Из кухни появляется Людмила.

ВИКТОР (*напевает*). "В лесу родилась елочка, в лесу она росла..." (*Подходит к Людмиле и чмокает ее в щеку.*)

ЛЮДМИЛА. Все нормальные люди елку ставят до, а не после. Ты где ее взял?

ВИКТОР. А — Дед Мороз подарил. Б — долг отдали...

ЛЮДМИЛА. В — кто-то уже выбросил. Г — срубил в сквере возле горсовета.

ВИКТОР. Нудная ты, уйду я от тебя.

ЛЮДМИЛА. Это я нудная???

ВИКТОР. Полгода — "Не забудь купить елку... Не забудь купить елку...". Полгода — "Вынеси елку, вынеси елку...". (*Достает из кармана куртки бутылку пива, открывает ее, наливает в стакан и жадно пьет. Садится за стол, берет салатницу, ест прямо из нее.*) Люблю начало года. Пока все прошлогоднее еще свежее. Катька не звонила?

ЛЮДМИЛА. Только что. Поздравляла.

ВИКТОР. Придет?

ЛЮДМИЛА. Нет, устала, хочет отоспаться.

ВИКТОР. Праздновать устала?

ЛЮДМИЛА. Для актеров Новый год — самая работа.

ВИКТОР. И кем она была? Снегурочкой?

ЛЮДМИЛА. Размечтался... Зайчиком.

ВИКТОР. В детском саду?

ЛЮДМИЛА. В ночном клубе. Вечеринка в стиле "Плейбой".

ВИКТОР. Это когда костюм состоит из ушек и хвостика?

ЛЮДМИЛА. Вот придет — у нее и спрашивай. Завтра зайти обещала.

ВИКТОР. Одна? Или с этим... новым...

ЛЮДМИЛА. Кириллом.

ВИКТОР. Чего она их от нас прячет?

ЛЮДМИЛА. А может, нас от них.

Звонит телефон.

ВИКТОР (*снимает трубку*). Да. (*Пауза.*) Молодой человек, возьмите, пожалуйста, ручку. Взяли? А теперь вычеркните этот телефон. (*Кладет трубку.*) Грибники — упорные люди. Надо же — до сих пор... Лоси к пересошему водоему ходят две недели. У людей на это уходят годы. (*Берет со стола открытую бутылку шампанского, наполняет два бокала, подходит к Людмиле, вручает ей один бокал.*) Признайся, Катя сказала: "Поцелуй папу"?

ЛЮДМИЛА. Нет.

ВИКТОР. Тогда придется пить на брудершафт.

Пьют на брудершафт. Целуются.

ВИКТОР. Ну, Людка, ты вкусна не по годам.

В этот момент слышится какой-то шорох, крахтенье, и в дверях появляется Костя, который тащит кадку с огромным фикусом. Видит целующихся.

КОСТЯ. Совет да любовь!

ЛЮДМИЛА (*Виктору*). Ты что, дверь не запер?

ВИКТОР. Наверное.

КОСТЯ (*затаскивая фикус в угол*). Не, здесь он не зацветет. (*Передвигает кадку ближе к окну*.) С Новым годом, земляки!

ВИКТОР. И старым фикусом. Ты чего это?

КОСТЯ (*достает из кармана бутылку*). Простите, если что не так... Без обид... Позвал бы к себе, нет вопросов, да поляну накрыть некому.

ЛЮДМИЛА. Куда собрался?

КОСТЯ. Всё. Финита, блин, комедия. Переезжаю... Классную хату нашел и еще червонец на развод.

ВИКТОР. А что ж ты кричал: "Картель! Бордель!"...

КОСТЯ. Вить, против лома нет приема. Вынесли базар на люди — они гривой машут, а ты ж видишь — цену держат. А если счетчик назад крутиться пойдет? А мне опять личную жизнь обустроить надо. Так что — давай по пятьдесят! (*Разливают*.) Людка, а ты что — не выпьешь с нами? Мы с тобой с пяти лет на одной скакалке прыгаем...

ЛЮДМИЛА. Когда съезжаешь?

КОСТЯ. Завтра. Контора подводу дает. Я тебе, Вить, советую — не блатуй, будь мужиком! Если я на своей однокомнатной десятку поднял, то вы плюс к хате спокойно четвертак получите.

ВИКТОР. "Десятку, четвертак..." Дураки вы! Лохи, как ты говоришь. Они на этом месте миллионы загребут, а вам копейки кинули.

КОСТЯ (*разливая по рюмкам*). Я, Вить, таксист, а не бухгалтер. Миллионы считать не обучен. Это их проблемы. (*Поднимает рюмку*.) Приходит в дом Дед Мороз. Предки своему пацану типа сюрприз организовали. А пацан за шкаф спрятался и ка-а-ак этого мужика с бородой шваброй треснет! Тот: "За что, мальчик?!". А пацан: "За прошлый год!". (*Смеются*.) За него и выпьем! (*Выпивают*.)

ЛЮДМИЛА. А фикус зачем?

КОСТЯ. Это вам на память. Ему лет двадцать, не меньше. Он фартовый. Удачу приносит.

ЛЮДМИЛА. Что же ты его отдаешь?

КОСТЯ. Один раз приносит. Его еще батя купил. Тетка, что продала, сказала — ждите удачи. И в натуре — через день "Запорожца" выиграл.

ЛЮДМИЛА. Так это билет счастливый, а не фикус.

КОСТЯ. Людок! Тачку батя в карты, а не в лотерею выиграл.

ВИКТОР. Жаль, ты его раньше не принес. *(Пауза.)* Я бы елку не тащил. *(Перевешивает дождик с елки на фикус.)* Подожди, у меня для тебя тоже подарок есть! *(Уходит на кухню.)*

КОСТЯ *(поправляет дождик на фикусе).* Его сильно поливать не надо. Так, по рюмашке. И не пересаживай. Он этого не любит, как пассажир.

ЛЮДМИЛА. А кто это любит, Костя?..

Из кухни возвращается Виктор с двумя бутылками огурцов.

ВИКТОР. Вот. К новоселью. Два удовольствия в одном флаконе. Огурчиками закусишь, а утром рассолом поправишься.

КОСТЯ *(Людмиле).* Твоего производства? Царский подарок! Новоселье-то вместе отметим? Я вам сейчас координаты нарисую.

Костя пытается взять сразу две банки. Виктор отдает ему только одну.

ВИКТОР. Давай помогу донести, а то разобьешь.

Вместе выходят.

Людмила остается одна. Смотрит на часы, присаживается к телефону, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Привет. Не разбудила? С Новым годом! Желаю... ну, как всем — и во всем... *(Пауза.)* Спасибо... Спасибо... С новым счастьем? А старое — выбросить? *(Поворачивается к фикусу.)* Кстати, у меня действительно появилось новое счастье. *(Пауза.)* Большое. Зеленое. *(Смеется.)* Нет, не доллары.

За спиной Людмилы в дверях появляется мужчина в костюме Деда Мороза.

ДЕД МОРОЗ. С новым счастьем!

Людмила, взвизгнув, бросает трубку и поворачивается.

ЛЮДМИЛА. Вы кто?

ДЕД МОРОЗ *(смеется).* Новый год!

За его спиной появляется Виктор. В руках у него толстая книга. Размахнувшись, он бьет книгой Деда Мороза по голове. Тот приседает. Виктор заламывает ему руку за спину.

ВИКТОР. Люда, звони в милицию. Мужик, тебе не повезло. Здесь уже никто не спит и все трезвые.

ДЕД МОРОЗ (*срывая свободной рукой шапку и бороду*). Э! Э, вы что! Виктор Александрович! Это я, Виталий! Фирма хотела вас поздравить... тьфу, черт!!! (*Отплевывается от бороды*.)

Виктор отпускает его. Людмила кладет трубку.

ЛЮДМИЛА. Ой, извините, Виталий! Но вы нас так напугали... (*Виктору*.) Ты что, опять дверь открытую оставил?

ВИКТОР. Да что ее закрывать, я ж на минуту!.. (*Виталию*.) Не обижайтесь. У нас в прошлом году Дед Мороз четыре квартиры обчистил. Пока народ не протрезвел. С большии-и-им таким мешком, как у тебя.

ЛЮДМИЛА (*усаживает Виталия за стол, наливает ему шампанское*). Выпейте.

ВИТАЛИЙ (*потирает голову*). Чем это вы меня?

ВИКТОР. Книгой — источником знаний.

ВИТАЛИЙ. Хорошо, что шапка на вате...

ВИКТОР. Знаете, я уже начинаю привыкать к вам как к атрибуту праздничного стола. Что-то вроде оливье.

ВИТАЛИЙ. А я, к сожалению, кроме как в праздники не могу вас заставить дома.

ВИКТОР. Зачем?

ВИТАЛИЙ. А как же? Вы пропали, нам не звоните, чтобы обсудить условия... Я сколько раз заходил, у вас — никого. Если гора не идет к Магомету...

ВИКТОР. ...значит, Моисей дал больше... Атлант Виталий! Вы пришли поздравить? Мы готовы!

ВИТАЛИЙ. Хорошо. (*Лезет в сумку*.) Это вам, Людмила Николаевна, от нашей компании (*протягивает ей пакет*) шампанское и наш фирменный календарь.

Виктор разворачивает календарь, на котором изображена Пизанская башня.

ВИКТОР. Очень мило! (*Осматривает комнату*.) Люд, куда мы его повесим?

ВИТАЛИЙ. Виктор Александрович! Здесь лучше его не вешать. Или нет — повесьте и сделайте пометку. Первое мая. В этот день дом снесут. Еще отметьте пятое марта — снесут дом номер девять, после чего квартал останется без газа. Еще через месяц отключат воду, телефон и свет.

ВИКТОР. Насчет даты конца света — это вы погорячились. А без

электричества человечество жило достаточно славно — это я вам как историк говорю.

ВИТАЛИЙ. Людмила Николаевна, чего вы время тянете? Ваши соседи за полтора месяца управились — нашли вариант и уже переезжают.

ВИКТОР. Потому что они родину не любят. Малую. А мы любим. Вот вы свой Самарканд любите?

ВИТАЛИЙ. Бухару? Ну, как вам сказать...

ВИКТОР. А традиции соблюдаете. Не пьете.

ВИТАЛИЙ. Если выпью — съедете?

ВИКТОР. Съедем... *(наливает себе и Виталию, выпивают, закусывают огурчиками)* ...но позже.

ВИТАЛИЙ. Это уже нечестно!

ВИКТОР. Виталик! Тут думать надо... Позвоним, обязательно позвоним, причем — в этом году. Еще по одной?

ВИТАЛИЙ. Нет, спасибо... *(Встает, идет к выходу, оборачивается.)* Дверь не захлопывать?

ЛЮДМИЛА. Извините нас... Всего вам хорошего! *(Идет проводить его, возвращается в комнату.)* Вить, надо соглашаться. Давай искать квартиру.

ВИКТОР. Щас! Это же квартира твоих родителей. Родовое гнездо... Которым, как и землей, торговать нельзя. Ты слыхала, чтобы при советской власти квартирами торговали?

ЛЮДМИЛА. Все! Тебе не наливать!

ВИКТОР. Да я абсолютно нормальный.

ЛЮДМИЛА. Нормальный? Все разведутся, а мы здесь одни останемся?

ВИКТОР. Да.

ЛЮДМИЛА. Ты с ума сошел? Они скоро начнут все отключать...

ВИКТОР. Давай решать проблемы по мере их поступления. Отключат свет — купим свечи. Вместо газа — примус. Дело к весне — овощи на балконе посадим. Шутка... Посидим на бутербродах.

ЛЮДМИЛА. Долго?

ВИКТОР. Пока они не пойдут на наши условия.

ЛЮДМИЛА. Заложников брать будем?

ВИКТОР *(смеется)*. Друг друга.

ЛЮДМИЛА *(срывается на крик)*. Ты что, сбрендил? Они нас с милицией выставят в два счета.

ВИКТОР. На улицу? Я уже был у юриста. Не имеют права. У нас квартира приватизирована. Зачем им скандал? Если они тогда струсили, то сегодня точно не посмеют. *(Обнимает Людмилу.)* Люд, не бойся, я все

продумал. Сейчас они, конечно, уперлись в эти тридцать тысяч, уверены, что мы никуда не денемся, согласимся. А потом? Когда все съедут, и мы останемся в доме одни? Понимаешь — одни! Они тут собираются строить комплекс за двадцать миллионов баксов! А с нами дом не снесешь. И не отключат они все — жаловаться будем. Они поймут, что проще заплатить нам столько, сколько мы просим. Для них это не сумма. Когда в Нью-Йорке строили небоскреб, знаешь, сколько дали за хибару, которая мешала? Десять миллионов! Семь нулей!!! А такая же рядом стояла пятьдесят тысяч. Готовь ножницы!

ЛЮДМИЛА. Зачем?

ВИКТОР. Будем стричь купоны!

ЛЮДМИЛА. В прошлый раз ты просил резинки — пачки денег перевязывать... Витя, зачем тебе все это? Ты опять что-то задумал?

ВИКТОР. Да, мадам Онассис. Мы будем судовладельцами. Делаем первый взнос — 200 тысяч долларов. Получаем договор на приобретение судна. Тут же берем под это судно в банке кредит, рассчитываемся с продавцом и начинаем ловить креветку. Прибыль позволит отдать кредит за год. Закладываем судно еще раз и покупаем следующее. Ты креветки любишь?

ЛЮДМИЛА. Не помню.

ВИКТОР. Правильно. Потому что они дорогие. Наш рак, он что? — падаль ест. А креветочка пасется, травку всякую, водоросли... Поэтому вкусная... Я в журнале прочитал, прикинул — все получается.

ЛЮДМИЛА. Вить, какое судно? Где лес, где дача... Где мы, где море? Ты когда в последний раз раков ловил? У тебя лодка была когда-нибудь? С веслами. А 200 тысяч где ты возьмешь?

ВИКТОР. Здесь. Не выходя из квартиры. Не вы-хо-дя!

ЛЮДМИЛА. Вить, а может лучше грибы разводить?

ВИКТОР. Грибы — это вчерашний день. Бежать надо не туда, где шайба, а туда, где она будет.

ЛЮДМИЛА. Не поняла — куда бежать?

ВИКТОР. Туда, где шайба, бежать не надо. Лучше стоять на месте.

ЛЮДМИЛА. Что ты всю жизнь и делаешь...

ВИКТОР. Я?! Я стою на месте?!

Звонит телефон. Людмила снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Алло!!! *(Немного разочарованно.)* Да. *(Пауза.)* Спасибо. И тебе тоже — всего самого лучшего. Здоровья, удачи, успехов... Да, конечно. Спасибо. До свидания. *(Кладет трубку.)*

ВИКТОР. Это кто?

ЛЮДМИЛА. Ученик. С Новым годом поздравил.

ВИКТОР. А почему ты с ним на "ты"? Хотя — да, сходится. Пора тебе прекращать бегать по урокам. Если это, конечно, ученики... А не учителя...

ЛЮДМИЛА. В нашей семье бюджетообразующее предприятие — это я! На что бы жили? На доходы от твоих сумасшедших идей? Владелец заводов, газет, пароходов...

ВИКТОР. Если бы в восемьдесят шестом мне разрешили издавать брачную газету!.. У меня бы сегодня Абрамович деньги одалживал. И если бы в девяностом у меня не украли лицензию...

ЛЮДМИЛА. ...А жить? Жить мы где будем?

ВИКТОР. Придумаем что-нибудь. В конце концов, можешь годик перекантоваться у любимой сестрицы, в столице. Или у Катьки, она все равно снимает. И я где-нибудь пристроюсь. А через год купим классную квартиру. С видом на море...

ЛЮДМИЛА. ...и обратно... Витя, ну, ты выпил... Что ты про Катьку-то несешь? Ей там только меня не хватает. Я прошу тебя, один раз спустись на землю.

ВИКТОР. Людочка, бизнес я планирую морской, а по части здравомыслия — я на земле обеими пятками.

ЛЮДМИЛА. Так же, как и раньше?

ВИКТОР. Что ты имеешь в виду?

ЛЮДМИЛА. Тебе напомнить? Как ты целый год возился с идеей цеха по производству пластиковой посуды? Которую из Турции возить в три раза дешевле... Как ты, пособник апартеида, пытался завербоваться в ЮАР на охрану алмазных копей, а здесь сторожить магазины по ночам брезговал... Хотел открыть детские модельные курсы... За один только вид фотографа, которого ты нанял, вас обоих родители чуть не привлекли за растление! А эти грибы!.. А пейнтбольный клуб!.. Ты даже нормальным репетитором, как я, не можешь устроиться!

ВИКТОР. Люда, да кому нужно мое репетиторство, если они эту историю каждый год переписывают по новой! У нас же страна непредсказуемого прошлого... Ну не могу я больше преподавать! А для серьезного дела всегда не хватало начального капитала. Но здесь все абсолютно реально.

ЛЮДМИЛА. Витя, если ты нас оставишь без квартиры...

Звонит телефон. Виктор тянется к трубке, но Людмила перехватывает ее.

ЛЮДМИЛА. Алло! *(Пауза.)* А вам какие? Мухоморы или бледные поганки? *(Швыряет трубку.)*

ВИКТОР. Все, закрыли тему! Праздник все-таки. Завтра на свежую голову подумаем. А сейчас пошли, пройдемся. На улице хорошо...

Виктор подходит к Людмиле, напевая: "Старый клен, старый клен, старый клен стучит в окно, приглашает нас с тобой на прогулку...", обнимает ее, пытается танцевать.

ЛЮДМИЛА *(вырывается).* Не хочу.

ВИКТОР. Пойдем.

ЛЮДМИЛА. Да ну тебя! Было хорошее настроение, ты все испортил.

ВИКТОР. Людка, ну что ты? Пойдем, погуляем.

ЛЮДМИЛА. Не хочу я с тобой никуда идти.

ВИКТОР. А с кем хочешь? Или ты опять звонка ждешь?

ЛЮДМИЛА. Отстань. *(Уходит в спальню и запирает за собой дверь.)*

Виктор подходит к двери и несколько раз дергает за ручку.

ВИКТОР. Люд, открой. Не порть праздник!

Тишина.

ВИКТОР. Ну, ладно.

Выходит из комнаты. Возвращается с молотком и гвоздями и заколачивает дверь. Подходит к телефону, набирает номер.

ВИКТОР. Леня? С наступившим тебя. *(Пауза. Смотрит на потолок.)* Нет, ничего не течет. Все сухо. И у тебя тоже? Непорядок. Все, я к тебе.

Ставит под дверь спальни транзистор, включает его.

ВИКТОР *(стучит в дверь).* Не скучай!

Прихватывает со стола недопитую бутылку водки и выходит. Щелкает замок, ручка двери в спальню дергается. Людмила пытается открыть дверь, потом стучит.

ЛЮДМИЛА. Витя! Открой! *(Снова стучит, дергает ручку.)* Ты что, с ума сошел?!

Звонит телефон. Людмила часто и сильно колотит в дверь, но после нескольких звонков перестает. Пустая комната, закрытая дверь в спальню, звонит телефон... По радио звучит песенка в исполнении Людмилы Гурченко:

"Если вы нахмуришь выйдете из дома,
Если вам не в радость солнечный денек,
Пусть вам улыбнется, как своей знакомой,
С вами вовсе не знакомый встречный паренек.
И улыбка без сомнения
Вдруг коснется ваших глаз.
И хорошее настроение
не покинет больше вас!".

Картина третья

Пустая комната, закрытая дверь в спальню. Из кухни появляется Виктор. Он в костюме, белой рубашке и галстуке. Подходит к зеркалу, поправляет галстук.

Затем идет к двери в спальню, стучит.

ВИКТОР. Люда! Ты там не уснула?

ЛЮДМИЛА. Сейчас!

Открывается дверь, появляется Людмила в красивом платье, туфлях на каблуках.

ВИКТОР. Нет слов!

Звонит телефон. Людмила снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Да! Да, Катюша! Плохо слышно. Ты из автомата? (*Пауза.*) Нет, сейчас уходим, в дверях стоим. Жалко, не увидимся. У Щелочи сегодня... ой, у Веры Степанны юбилей. В ресторане, все по-взрослому. (*Пауза.*) Ты папу поздравила? Ну и что, что запаса? Все равно лейтенант. Наш защитник. Героический мужчина. (*Пауза.*) Катя, придешь — только все не переворачивай. На верхней полке. А вообще — я сама сейчас найду и на столе оставлю. Все, пока. (*Кладет трубку.*)

ВИКТОР. Катя?

ЛЮДМИЛА. Ей нужен Чехов.

ВИКТОР. Чехов нужен всем, а к этому платью пойдет бабушкин кулон. Надень.

ЛЮДМИЛА. Думаешь?

ВИКТОР. Точно.

Людмила выдвигает один из ящичков серванта, роется в нем, достает небольшую коробочку, открывает.

ЛЮДМИЛА. Витя, а кулона нет.

ВИКТОР. Ты когда его в последний раз надевала?

ЛЮДМИЛА. По-моему... К Вере Степановне, на прошлый день рождения...

ВИКТОР. И потом не доставала?

ЛЮДМИЛА (*несколько неуверенно, вспоминая*). Нет...

ВИКТОР (*с подозрением*). Никуда больше не надевала?
ЛЮДМИЛА. Что ты имеешь в виду?

Виктор молчит.

ЛЮДМИЛА. Опять за старое? Витя, я не французская королева, чтобы любовникам подвески дарить. Ты его никуда не перекладывал?

ВИКТОР. Нет. Чужих здесь не было... Катя у тебя деньги просила?

ЛЮДМИЛА. Она это делает регулярно.

Звонок в дверь, Людмила идет открывать. Возвращается вместе со Сталиной Петровной.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА (*Людмиле*). ...давай пойдем вместе.

ВИКТОР. Куда это?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здравствуй, Витя. Я иду квартиру посмотреть. Вроде, подходящая. Второй этаж, окна на юг.

ВИКТОР. А компас у вас с собой? А то ведь дурят. Говорят, что на юг, а на самом деле на северо-запад!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Ну, меня-то, может, и надурят, а Барсика не обманут! Кот у меня — экстрасенс. Нехорошую энергию чувствует. Если в доме плохо — он и не войдет. Вот мы с Барсиком смотрели объект на Тенистой, так он...

ВИКТОР. ...сказал: "Не буду тут жить!".

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Смейся-смейся... Не пошел в квартиру! Встал на пороге — шерсть дыбом! Значит, болел там кто или даже умер. Хозяева, конечно, промолчат, а у Барсика — шестое чувство! Ну что, Люд, пойдешь со мной?

ВИКТОР. Зачем? У Людки чутья — никакого.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Там на одном этаже две квартиры продаются. Снова соседями будем...

ЛЮДМИЛА. Сталина Петровна, я не могу сейчас, мы уходим. У нашего завуча день рождения.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Хорошо, завтра поедем.

ВИКТОР. Сколько они вам за вашу двухкомнатную дают?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Тридцать тыщ.

ВИКТОР. Рублей?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Побойся Бога! Конечно, баксов.

ВИКТОР. Не бойтесь на старости лет валютными операциями заниматься?

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. А где ты видел, чтобы квартиры за

рубли продавали? Чем надо мной насмешки строить, лучше скажи, за сколько вы сторговались?

ВИКТОР. Двести тысяч.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Рублей?

ЛЮДМИЛА. Баба Сталя! Не слушайте вы его! Мы еще торгуемся.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Ладно, Люда, завтра я тебя жду.

ЛЮДМИЛА. Договорились.

ВИКТОР. Тетя Сталя, я с вами спущусь, поздравлю ветерана.

Идут к выходу. В дверях сталкиваются с Катей.

КАТЯ. Здравствуйте, бабушка Сталин!

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Здравствуй, Катя! Как английский? Сдала?

КАТЯ. Пока не берут.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Учи... Сейчас без языка никуда.

ЛЮДМИЛА. Сталина Петровна! Только чтобы они там не напоздравлялись! Мы же на именины опаздываем.

СТАЛИНА ПЕТРОВНА. Людочка, не беспокойся! Горючего осталось — минут на пять. Далеко не улетят.

Виктор и Сталина Петровна уходят.

КАТЯ. Хорошо, что я вас застала!

ЛЮДМИЛА. Конечно, хорошо. Я тебя две недели не видела.

КАТЯ. Мамуль, ты у меня самая красивая! Платье — супер!

ЛЮДМИЛА. Слушай, не могу найти бабушкин кулон. Ты не брала?

КАТЯ. Брала.

ЛЮДМИЛА. Где он?

КАТЯ. В ломбарде. Хозяйка наехала — срочно бабки за квартиру! Мам, успокойся, выкуплю я его. Мне на днях зарплату дадут.

ЛЮДМИЛА. Кто тебе разрешил? Почему мне не сказала?

КАТЯ. А что, ты бы разрешила?

ЛЮДМИЛА. Но это же бабушкина память!

КАТЯ. Ну-у, началось... Кулон — это память. И квартира — это память. Вы поэтому ее продавать отказываетесь?

ЛЮДМИЛА. При чем здесь квартира?

КАТЯ. При том! Продали бы ее — и всё.

ЛЮДМИЛА. Что — все?

КАТЯ. Отдали бы мне мою часть.

ЛЮДМИЛА. Какую это — твою?

КАТЯ. Я, кстати, единственная в этой квартире родилась. Самое что ни на есть коренное население. Имею право на свою часть наследства. И не понимаю, чего вдруг ты решила изображать из себя Раневскую. *(Цитирует с пафосом.)* "...Здесь жили мои отец и мать... я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно про-давать, то продавайте и меня вместе с садом..."

ЛЮДМИЛА. Да, я здесь выросла, и я люблю этот дом.

КАТЯ. Неправда! Ну, дед с бабой — допустим, сами строили. А вы с папой?

ЛЮДМИЛА. Не кричи! Давно скандалов не было. *(Включает приемник.)*

КАТЯ. В его Сиплодрычинск ты ехать не захотела, а в квартир-ной очереди вы какими были по счету? Три тысячи восемьсот подползаю-щими? Вам просто некуда было деваться, вот и пришлось с родителями жить. Друг у друга на голове...

ЛЮДМИЛА. Да! Это Я знаю, что такое четверо взрослых и ребенок в этой квартире. Это Я знаю, что такое — тесно. А ты-то что? Когда ты под-росла, мы уже тут были втроем.

КАТЯ. А когда маленькая была? Я все прекрасно помню. Как лежала в кровати и видела, что на кухне горит свет, потому что ты не идешь спать. Потом слышала папины шаги на лестнице, и по звуку угады-вала, что пьяный. Потом он долго ковырял ключом, а бабушка деду шеп-тала — она думала, что шепчет! — "Опять Витька поддал!". Ты закрыва-лась с ним на кухне, ругалась и плакала. И думала, что все спят, и никто ничего не слышит... Про другое я вообще говорить не хочу...

ЛЮДМИЛА. Ты не хочешь — так я тебе скажу. Ты уже девочка взрос-лая... И про то, как мужа любила с подушкой в зубах. И про то, как в ван-ную выйти лишний раз боялась, потому что через родительскую комнату надо было идти. Ты думаешь, мы с Таней тут скандалов не наслушались? И всего остального... Зато — не угол, не барак, не подвал и не коммуналка. У многих и этого не было. А другое мы только в кино видели.

КАТЯ. Сказку про крота я знаю. "Здесь наша родина". Только я так жить не хочу.

ЛЮДМИЛА. Как Золушка хочешь — все и сразу? А в жизни получа-ется — ничего... и постепенно.

КАТЯ. На самом деле никто из нас эту квартиру не любит. Не-понятно только, почему мы не выехали первыми.

ЛЮДМИЛА. Потому что папа в очередной раз решил стать Ротшильдом.

КАТЯ. Я — за. Главное, чтобы не Биллом Гейтсом.

ЛЮДМИЛА. Почему?

КАТЯ. Он все завещал бедным. А родным детям — всего по десять миллионов. Представляешь? Остальное пусть зарабатывают сами.

ЛЮДМИЛА (*смеется*). А тебе десятки мало?!

КАТЯ. Мне — нет, а вот его детям представляешь, как запахло?

ЛЮДМИЛА. Деньги счастья не приносят.

КАТЯ. ...но доставляют массу удовольствия!

Телефонный звонок. Катя снимает трубку.

ЛЮДМИЛА. Катя! Тебе сюда не звонят! (*Отнимает у нее трубку.*) Алло! (*Пауза.*) Ну сколько раз можно вам повторять! Грибница осталась только черновыльская! Брать будете? (*Кладет трубку.*)

КАТЯ. Так что папа задумал?

ЛЮДМИЛА. Решил не выселяться, пока фирма не заплатит ему столько, сколько он хочет. А хочет он много и сразу. Как ты.

КАТЯ. И сколько нам сегодня дают, что мы брать отказываемся?

ЛЮДМИЛА. Сорок тысяч.

КАТЯ. Это ж сколько будет, если на рубли перевести?! Срочно соглашайтесь, пока они не передумали.

ЛЮДМИЛА. Нет, этих денег только на винт и якорь хватит, а нам целый пароход нужен, креветок ловить.

КАТЯ. Зачем? К пиву?

ЛЮДМИЛА. Папа придет — он тебе расскажет.

КАТЯ. И ты согласилась ждать?

ЛЮДМИЛА. Катя, а если это действительно шанс? Сначала нам предложили двадцать пять, через месяц — тридцать, сегодня уже говорят, что согласны заплатить сорок. А вдруг получится еще больше? И у тебя будет своя квартира. И я не буду больше бегать по урокам, а ученики смогут приходить ко мне. Я тоже в этой жизни на что-то имею право. И у папы все изменится. Ему надо хотя бы один раз добиться успеха — и все пойдет по-другому...

КАТЯ. А что у него в клубе?

ЛЮДМИЛА. Всё. Уже закрылись.

КАТЯ. Ну, хоть расплатились? Или как всегда?

ЛЮДМИЛА. Почему — как всегда? Так еще никогда не платили. Два ружья для пейнтбола и ящик с боеприпасами. Шарик с краской.

КАТЯ. Ух ты! Где?

ЛЮДМИЛА. В прихожей, за вешалкой.

Катя выходит, возвращается с ружьем, рассматривает его, целится в вазу на серванте.

ЛЮДМИЛА. Положи немедленно! Он, вроде, на этот арсенал уже покупателя нашел.

В комнату врывается Виктор.

ВИКТОР. Быстро звоните в "скорую"! Деду плохо, сердце прихватило! Люда, у них нитроглицерин закончился. Бери всю аптечку...

Катя бросается к телефону, набирает номер. Людмила ищет аптечку.

ВИКТОР. Катя, когда дозвонишься — спустишь, скажи.

Виктор с Людмилой выбегают.

КАТЯ. Алло! "Скорая"? Сердечный приступ. *(Пауза.)* Радостная, девять "а". Да, дом Павлова. Квартира тринадцать. Простите... пятая. Это соседки звонят. Семьдесят восемь лет. Да, ветеран, льготник. Водопьянов Виктор Владимирович. Страховка? Не знаю. Когда будете?.. Не опоздайте!

Кладет трубку и выбегает из комнаты.

Действие второе

Картина четвертая

В комнату входят Людмила с сестрой. Татьяна выглядит гораздо моложе Людмилы, она в брюках и элегантной светлой куртке. Снимают верхнюю одежду.

ТАТЬЯНА. Людка, руки мыть!

ЛЮДМИЛА. Давай по старшинству. Вдвоем все равно не поместимся.

Татьяна выходит в ванную. Людмила подходит к телефону, набирает номер.

ЛЮДМИЛА. Катя, привет! *(Пауза.)* Да, спасибо, и тебя с праздником! Бросай все — и к нам! Таня приехала. *(Пауза.)* Тетя твоя! Давай, приезжай. *(Кладет трубку.)*

Входит Татьяна.

ЛЮДМИЛА. Ребенок спрашивает: "Какая Таня?". Вот что значит десять лет не приезжать! Ты не очень голодная? Витюждемся?

ТАТЬЯНА. Ладно. Чайку согрей.

ЛЮДМИЛА. Сейчас, только руки помою. *(Выходит.)*

Татьяна прохаживается по комнате, подходит к двери в спальню, рассматривает ее. Людмила возвращается, достает из серванта чашки, ставит на стол.

ТАТЬЯНА. Люда, что это за дырки в косяках? Вы что — в квартире белье вешали?

ЛЮДМИЛА. Я Вите сказала, что он гвоздь забить не может. Так это он тренировался...

ТАТЬЯНА. Не хочешь — не говори. Ты чайник поставила?

ЛЮДМИЛА. Сейчас. *(Выходит на кухню.)*

Татьяна берет свою куртку, рассматривает ее. Возвращается Людмила, она несет поднос, на котором стоят сахарница, заварной чайник и термос.

ТАТЬЯНА. Так и есть, рукав запачкала.

ЛЮДМИЛА. Я же тебе говорила — надень что-нибудь из моего, потемнее. Куда ж на кладбище в такой? *(Ставит поднос на стол, берет у Татьяны куртку, пытается оттереть пятно.)* Может, отстирается?

ТАТЬЯНА. Не страшно. Она у меня походная.

ЛЮДМИЛА. Давай сейчас застираю.

ТАТЬЯНА. До вечера не высохнет.

ЛЮДМИЛА. Вот и останешься ночевать. Таня, ну как это — приехать домой и остановиться в гостинице?

ТАТЬЯНА. Нет, Люда, я уже здесь нажилась.

ЛЮДМИЛА. Теперь не так, как раньше. Места много, комната свободная...

ТАТЬЯНА. ...с соседями за стенкой.

ЛЮДМИЛА *(смеется).* Помнишь, как мы их скандалы хотели на магнитофон записать? Отругались они... Царствие им небесное. Там теперь другие. Мирные.

ТАТЬЯНА. Не обижайся, Люда. Я в поезде плохо спала, отдохнуть хочу, а у вас... то есть у нас — ни помыться, ни выспаться нормально.

ЛЮДМИЛА. Давай чай пить.

ТАТЬЯНА *(садится за стол).* Закипел уже?

ЛЮДМИЛА. Еще утром. Я сразу термос залила. У нас вчера газ отключили, а на электроплитке — очень долго.

ТАТЬЯНА. Ты мою сумку куда дела?

ЛЮДМИЛА. Сейчас. *(Приносит из прихожей объемную сумку.)*

ТАТЬЯНА. Я к чаю привезла... *(Достает коробки с конфетами и печеньем.)*

ЛЮДМИЛА. Таня, зачем ты? У нас же в магазинах все есть. Теперь в Москву за колбасой и сгущенкой ездить не надо.

ТАТЬЯНА. Тут вам от Миши — наши фирменные — "Мишка на севере". И еще — африканская водка. *(Достает из сумки и ставит на стол бутылку.)*

ЛЮДМИЛА. Африканская???

ТАТЬЯНА. Горилка... С перцем.

ЛЮДМИЛА. Таня, у нас что — водки нет?

ТАТЬЯНА. И не думай, только эту пить будем! Я если где выпить собираюсь, то всегда с собой беру. Сейчас столько отравы! *(Достает из сумки очередной пакет.)* А это — тебе. И не говори, что у вас тут все есть! Таких — нету. Это настоящие итальянские. Там и куплены.

Людмила достает из пакета изящные туфли-лодочки на шпильках.

ЛЮДМИЛА. Ой, Таня, спасибо! *(Целует ее в щеку. Меряет туфли, прохаживается по комнате, стуча каблучками.)* В таких — только на презентацию! Или на фуршет...

ТАТЬЯНА. Или на танцы! В Горсад. Помнишь?

Людмила пританцовывает.

ТАТЬЯНА. Как за тобой Сашка из десятого номера ухлестывал! А ты все: "Витя, Витя"...

ЛЮДМИЛА. Что за танцы без музыки? *(Подходит к радиоприемнику, включает негромко музыку, продолжает танцевать.)*

ТАТЬЯНА. Да-а, неплохие у тебя женихи были. Я, кстати, недавно Колю встретила. Помнишь его? На мехмате учился. Важный такой, с охраной... Узнал меня, бросился обнимать... Про тебя спрашивал.

ЛЮДМИЛА. И что ты?

ТАТЬЯНА. Сказала, что все у тебя замечательно.

ЛЮДМИЛА *(выключает музыку).* Тань, Витька пока еще придет... Давай родителей помянем.

ТАТЬЯНА. У меня маслинки есть. *(Достает из сумки баночку.)*

ЛЮДМИЛА. Замечательная гостья. И выпивку с собой возит, и закуску. *(Разливает водку по рюжкам.)* Давай, не чокаясь. *(Выпивают.)*

ТАТЬЯНА. Как ты тут вообще?

ЛЮДМИЛА. Все по-старому. Сею разумное, доброе, вечное. Правда, урожай — сама знаешь.

ТАТЬЯНА. Чем удобряем, то и получаем. Представляю, каково с нынешними детками.

ЛЮДМИЛА. Не представляешь. Восьмикласснику поставили двойку, он выходит из класса, достает мобильный, набирает номер: "Алло! Это секс по телефону? Училки есть?..".

ТАТЬЯНА. Ты что, серьезно???

ЛЮДМИЛА. В каждой шутке есть доля шутки. Нервотрепки много, программу перекраивают каждый год, платят — сама понимаешь. Хорошо хоть Катя наконец пошла работать. Устроилась продавщицей.

ТАТЬЯНА. После университета? В магазин?

ЛЮДМИЛА. Поработала год в школе, сказала: "Только не это!".

ТАТЬЯНА. А самодеятельность?

ЛЮДМИЛА. Не бросает. Днем — "Купите бублики!". Вечером — "Я чайка!".

ТАТЬЯНА. А почему дома не живет?

ЛЮДМИЛА. Наверное, без нас интереснее.

ТАТЬЯНА. У нее кто-то есть?

ЛЮДМИЛА. Тань, ты хоть помнишь, сколько ей лет?

ТАТЬЯНА. Да... Для меня она — все еще школьница... И кто он? Чем занимается?

ЛЮДМИЛА. Единственное, что я о нем знаю, — как его зовут...

ТАТЬЯНА. Она вас не познакомила?

Людмила молча машет рукой.

ТАТЬЯНА. Ну а Виктор как?

ЛЮДМИЛА. Как всегда — ищет.

ТАТЬЯНА. Работу?

ЛЮДМИЛА. Себя. В этом времени.

ТАТЬЯНА. И время потерял, и себя не нашел... Папа тогда был прав. Он тебе что говорил? Твой Виктор умеет строить только планы. И всю жизнь вместо пальто будет подавать надежды.

ЛЮДМИЛА. Таня, что ты хочешь? Раскрыть мне глаза? Объяснить, за кого я вышла замуж? Сама знаю. Вот он — такой! Знает много — делает мало. Зарабатывает еще меньше, но все — в дом. Он честный...

ТАТЬЯНА (*перебивает*). ...потому что бедный.

ЛЮДМИЛА. Или бедный, потому что честный... Он способный, только не везет ему.

ТАТЬЯНА. А с этим у него сейчас как? (*Щелкает себя по горлу.*)

ЛЮДМИЛА. Сейчас? Как все — по праздникам.

ТАТЬЯНА. Хороший парень — это не профессия. Жалостливая ты, Людка... Жалеешь? Значит, любишь?

ЛЮДМИЛА. Не знаю...

ТАТЬЯНА. Не поняла. У тебя что — есть кто-нибудь?

ЛЮДМИЛА. Не знаю.

ТАТЬЯНА. Как это?

ЛЮДМИЛА. Ну, как на это посмотреть...

ТАТЬЯНА. И что он?

ЛЮДМИЛА. Зовет.

ТАТЬЯНА. А ты?

ЛЮДМИЛА. "Поздно! Я обвенчана, — отвечала Маша Дубровско-му. — Я жена князя Верейского". Как я Витьку оставлю?

ТАТЬЯНА. Он кто?

ЛЮДМИЛА. Тань, я не хочу об этом.

ТАТЬЯНА. И что ты дальше думаешь?

ЛЮДМИЛА. Я не думаю... И вообще — о чем это мы? У нас с Витей через несколько дней — серебряная свадьба!

ТАТЬЯНА. Да, Людочка, не хотела расстраивать, но до шестнадцатого я задержаться не смогу.

ЛЮДМИЛА. Тань, ну как же?.. Я так надеялась, что ты будешь...

ТАТЬЯНА. Люда, никак не могу! У нас на пятнадцатое билеты, летим с Мишей в Рим на конференцию. Поэтому я к вам только на три дня. Но ты не расстраивайся, отметим ваш юбилей! Послезавтра идем в ресторан. Я вас гуляю. *(Наполняет рюмки.)* Ну что, второй тост — за встречу?

Чокаются и выпивают. Слышно, как хлопнула входная дверь. Заходит Виктор.
В руках у него несколько увесистых пакетов и тюльпаны.

ВИКТОР. А-а-а! Какие люди!!! Подожди, не души в объятиях, а то чего-нибудь разобью... *(Людмила принимает у него пакеты. Он отдает ей один букет, целует в щеку.)* С праздником! *(Подходит к Татьяне.)* Вот теперь — с приездом! Здравствуй! *(Вручает ей цветы, обнимает, целует.)* И с праздником!

ТАТЬЯНА. Привет! *(Целует его. Смеются, рассматривают друг друга.)*

ВИКТОР. Ну, покажись, как теперь выглядят сливки общества?

ТАТЬЯНА. Ничего тебе не делается! В холодильнике, что ли, спишь?

ЛЮДМИЛА. Вить, я-то думала, что она раньше приехала, чтобы подольше побыть. А она — всего на три дня.

ВИКТОР. А шестнадцатое?

ТАТЬЯНА. Увы, без меня.

ВИКТОР. Не-е, никуда мы тебя не отпустим! Люд, ты гостью еще не кормила?

ЛЮДМИЛА. Сейчас поставлю греть... Не начинали, ждали тебя.

ВИКТОР (*декламирует*). "Я не будни, я праздник, которого ждут!" (*Достаёт из пакетов яркие упаковки, банки.*) Ничего не надо греть. Ужинаем сегодня на морском дне. Тигровые креветки — это что-то! Щупальца осьминогов! Их знаете, как ловят? Опускают на дно веревку, к которой привязывают много глиняных горшков. А через несколько часов вытаскивают — и в каждом горшке по осьминожке. Они, глупые, домики себе ищут.

ТАТЬЯНА. И на дне квартирный вопрос не решен. Кто бы мог подумать!

ЛЮДМИЛА. Ты где был? В "Атлантиде"?

ВИКТОР. Да.

ЛЮДМИЛА. И что?

ВИКТОР. Все в порядке, ставки растут. Есть за что продолжать борьбу.

ЛЮДМИЛА. А это? (*Показывает на деликатесы.*)

ВИКТОР. В свете названных сумм одолжил у Кости.

ТАТЬЯНА. Люда, в термосе кипяток остался? Креветки надо залить, чтоб оттаяли.

Людмила с Татьяной суетятся у стола. Виктор тем временем включает радиоприемник, под звуки танго подходит к Татьяне и церемонно кланяется.

ВИКТОР. Разрешите вас пригласить?

Они танцуют, Людмила продолжает накрывать на стол.

ВИКТОР. Как у Миши дела? Чего не приехал?

ТАТЬЯНА. А работа?

ВИКТОР. Взял бы отгулы.

ТАТЬЯНА (*смеется*). У кого? У самого себя?

ВИКТОР. Да, налицо конфликт труда и капитала... в одном лице.

ЛЮДМИЛА. У меня все готово, к столу!

Все садятся.

ТАТЬЯНА. Катюшку ждать не будем?

ВИКТОР. Будем есть и ждать. Я голодный. (*Разливает водку по рюжкам.*) Девочки! Дорогие! С праздником вас! Кстати, вы знаете, что наступает после международного женского дня?

ТАТЬЯНА и **ЛЮДМИЛА** (*хором*). Что?

ВИКТОР. Международная женская ночь.

Все смеются, выпивают. Начинают закусывать креветками, которые еще не успели остыть.

ТАТЬЯНА. Горячие какие! (*Дует. Обжигаясь, чистит креветку и отправляет ее в рот.*) Ох! Люд, соку налей, обожглась.

ВИКТОР (*назидательно подняв палец*). Вот! Нетерпеливость — наша главная беда!

ТАТЬЯНА. Французы говорят: терпение — лекарство бедных.

ЛЮДМИЛА. Помнишь, я, когда беременная ходила, в продажу вдруг ананасы выбросили — замороженные ломтики? Ты их мне приносил, а я никогда не могла дожждаться, чтобы они полностью растаяли. Ела ледяные, а потом так язык болел!!!

ТАТЬЯНА. Ребята, так что у вас тут с квартирой? Я по телефону не совсем поняла, думала, какие-то дальние перспективы, а у вас, гляжу, уже и газа нет.

ЛЮДМИЛА. Больше половины соседей уже выехали.

ТАТЬЯНА. И сколько за нашу душку дают?

ВИКТОР. Ты спроси — сколько теперь дают? Сначала предлагали просто мыло.

ТАТЬЯНА. То есть?

ВИКТОР. Шило на мыло. Двадцать тысяч — ровно столько, чтобы купить такую же коробку. Мы, конечно, отказались — и правильно сделали. Сегодня дают уже шестьдесят! Вот что значит — потерпеть, а не хватать горячее, потому что хочется быстрее...

ТАТЬЯНА. Вить, в тебе, оказывается, скрывался гений бизнеса! Ну, а как вы планируете с нами поделиться?

ЛЮДМИЛА. Тань, ты о чем?

ТАТЬЯНА. Люда, это квартира наших с тобой родителей. Наше с тобой наследство. Твоя доля и моя доля.

Тяжелая пауза.

ТАТЬЯНА. Я что-то не то говорю?

ЛЮДМИЛА. Таня, ты что? Для вас же это — вообще не деньги. Мишин месячный оклад. Вы и в советские времена благодаря его должности из-за границы не вылезали. А теперь!.. Да для меня это — единственная надежда пожить по-человечески. Не в роскоши, а по-че-ло-ве-чес-ки!

ТАТЬЯНА. При чем здесь Мишина должность? Его оклад? Чего ты

считаешь чужие деньги? Да, ездили. Пакетных супчиков полные чемоданы... Экономили, чтобы привезти что-нибудь...

ЛЮДМИЛА. А сейчас? Таня, у вас же все есть. Хорошо, дадим мы тебе твою долю. Ты же эти деньги за месяц потратишь! На туфельки и косметику!

ТАТЬЯНА. А кому какое дело, как я их потрачу? Это что получается — раз я не нищая, значит, не имею право на наследство?

Виктор берет сигареты и выходит на кухню.

ЛЮДМИЛА. Ты же здесь столько лет не живешь!

ТАТЬЯНА. Ну и что? Значит, если бы я не уехала к Мише на север, а как ты — привела мужа сюда, тогда бы со мной поделились?

ЛЮДМИЛА. Уехала — и всех нас с глаз долой! А знаешь, что такое со стариками жить? Мама последние два года не вставала. Ты понимаешь, что это такое? Ты соображаешь, как мы тут?.. А теперь я должна помнить о том, что тебе полагается по закону?

ТАТЬЯНА. Значит, тебе за то, что ты ухаживала за родной матерью, полагаются деньги? И сколько это стоит? Ладно, я еще с юристом посоветуюсь.

Людмила молча встает и уходит на кухню. В комнату возвращается Виктор.

ВИКТОР. Я, Таня, вот что думаю...

Раздается визг Людмилы. Татьяна вскакивает, Виктор бежит на кухню, возвращается, поддерживая Людмилу, которая схватилась за сердце. Усаживает ее за стол.

ВИКТОР. Женщины! Не бойтесь мышей — бойтесь котов! И вообще — если грызуны еще не покинули судно — значит, курс верный.

ТАТЬЯНА. Господи! Как ты меня напугала!

ВИКТОР. Кстати, о мышах. (*С интонацией кота Леопольда.*) Ребята, давайте жить дружно! Ты, Таня, остынь. Делить-то пока нечего.

ТАТЬЯНА. Как это — нечего? Ты же сказал — шестьдесят тысяч дают.

ВИКТОР. Дают. А мы не берем. Еще можно потянуть кота за хвост, и через месяц они дадут больше.

ТАТЬЯНА. И сколько ты хочешь?

ВИКТОР. Двести.

ТАТЬЯНА. Все не так плохо, как я думала, все гораздо хуже... Ты ненормальный. Они столько не дадут.

ВИКТОР. А куда они денутся, если мы не съедем?

ТАТЬЯНА. Да вышвырнут они вас отсюда!!!

ВИКТОР. Я все узнавал. Квартира приватизирована. Они права не имеют.

ТАТЬЯНА. Чего? Права? Ребята, вы где живете? Какие права? У них штат юристов и десяток отработанных вариантов — как избавиться от таких, как вы.

ЛЮДМИЛА. И как?

ТАТЬЯНА. Сегодня у вас отключен газ? Потом отключат все, что можно отключить. Если не надоест носить на четвертый этаж воду, греть ее на примусе и стирать в тазике при свете керосиновой лампы — тогда пустят в ход последние доводы.

ВИКТОР. Это какие же?

ТАТЬЯНА. Ну, самое простое, как в "Дубровском", — пожар. Случайный, конечно. А могут разлить ртуть. Потом вызовут службу МЧС. Те приедут и в пять минут эвакуируют отшельников. Понял? Тебя не выкинут, а э-ва-ку-и-ру-ют! Чтобы сделать в квартире дезактивацию.

ЛЮДМИЛА. А где они ртуть возьмут?

ТАТЬЯНА. Ты же говоришь, у вас в магазинах все есть. И градусники в аптеках — тоже...

ВИКТОР. Ну, эвакуируют они нас...

ТАТЬЯНА. Отвезут на эвакуопункт, за город, на медицинское обследование. Даже если ты возьмешь машину и мигом вернешься назад, за это время в квартире случайно разрушат стенку.

ЛЮДМИЛА. Как это — случайно?

ТАТЬЯНА. Так. Экскаватор траншеей рыть начнет и ковшом стену зацепит. Неумышленно, конечно. Такому дому много не надо — сразу получится Пизанская башня.

ВИКТОР. Мы в суд подадим.

ТАТЬЯНА. Правильно. И фирма честно вернет вам деньги. Только уже по экспертной оценке, а не по договоренности. Что намного дешевле.

ЛЮДМИЛА. Ты что — серьезно?

ТАТЬЯНА. Абсолютно. А еще одного из вас можно объявить сумасшедшим и насильно на месяц поместить в диспансер. Тогда второй в одиночку долго здесь не выдержит. Правда, этот вариант — для тех, кому за семьдесят. Но поди их знай...

ВИКТОР. Погоди, погоди... Не нагоняй страху! Ну газ — ладно, а вот отключат воду — пойдем в прокуратуру.

ТАТЬЯНА. Куда? Поверьте, они там побывали еще до того, как объявили вам о расселении. И кроме "разберемся" вы в этом почтенном завещении ничего не услышите.

ВИКТОР. Откуда ты все это знаешь?

ТАТЬЯНА. У Миши есть доля в строительной компании. Там такие истории — каждый месяц. И я их понимаю. Сто квартир выкупили, а из-за сто первой стройку останавливать? И столько людей без работы оставлять? Только потому, что какой-то дедушка хочет умереть в своей квартире?

ЛЮДМИЛА. Тань, так что делать?

ТАТЬЯНА. Витя, дают шестьдесят — бери. Лучшее — враг хорошего. Зачем тебе двести?

ВИКТОР. Потому что двести — больше. И я собираюсь вложить их в бизнес.

ТАТЬЯНА. Ты? В бизнес? (*Хохочет.*) Люда, лучше потратить на туфли и помаду!

Слышно, как хлопнула дверь.

ЛЮДМИЛА (*торопливо*). Таня, давай потом договорим.

Входит Катя.

КАТЯ. Тетя Таня!!! С приездом! (*Обнимаются, целуются.*)

ТАТЬЯНА. Катюша! Господи!.. Встретила бы на улице — не узнала! Что ж ты одна, без мужа?

КАТЯ. Он не муж... Пока...

ТАТЬЯНА. Да? А я думала — раз вместе живете... Ну что, за женский день? Витя, наливай!

КАТЯ. Тетя Таня, как там театральная столица? Столько новых театров открылось...

ТАТЬЯНА. "Театры полны, ложи блещут"... А ставят одно и то же. Чехов, Шекспир, Островский. За классику прячутся. Я это все еще в молодости пересмотрела. А ты в Москву не собираешься? Ты же когда-то хотела поступать.

КАТЯ. "Поздно, — отвечала Маша".

ТАТЬЯНА. И правильно. Всю жизнь говорить чужие слова не своим голосом... Театр — это несерьезно. Опору надо себе в жизни искать. О будущем думать. И не повторять чужие ошибки.

ЛЮДМИЛА. Ну ты, Таня, сегодня уже всех построила...

Все замолкают. После паузы Татьяна встает.

ТАТЬЯНА. Извини, Люда, пойду я. Голова разболелась. Лечь хочу.

КАТЯ. Вы разве не у нас?

ВИКТОР. Давай такси вызовем.

ТАТЬЯНА (*одевается*). Да еще светло, пройдуся немного, возьму ма-

шину. Катя, мы послезавтра все в ресторан идем. Часов в пять приходи, отсюда поедем вместе. У тебя есть что надеть?

КАТЯ. Конечно. Я приду. До свидания, тетя Таня.

Татьяна выходит, Людмила идет ее проводить. Возвращается, садится за стол. Вытирает слезы. Некоторое время сидит молча, потом начинает чистить креветку.

ЛЮДМИЛА. Остыли наконец-то.

ВИКТОР. Не реви.

ЛЮДМИЛА. А кто ревет?

КАТЯ. Вы чего это тут?

ВИКТОР. Делили шкуру неубитого медведя.

КАТЯ. И как?

ВИКТОР. Тетя Таня хотела хвост на воротник.

Катя начинает хохотать, за ней Людмила и Виктор. Постепенно замолкают и молча сидят рядом.

ЛЮДМИЛА. Надо чайник поставить.

КАТЯ. Потом.

ЛЮДМИЛА. Нет, на электроплитке долго греется.

ВИКТОР (*встает*). Сейчас поставлю.

В этот момент в комнате гаснет свет.

ВИКТОР. Катя, какой чай? Сок же есть!

В темноте снова раздается дружный хохот.

Картина пятая

Та же комната, в центре стола — керосиновая лампа и бутылка с помидорами. По комнате в нескольких местах — на журнальном столе, серванте — расставлены свечи. Входит Людмила, в сердцах бросает сумочку на диван, падает в кресло. Из кухни появляется Катя.

КАТЯ. Привет! Я тут пытаюсь картошку пожарить, только при-мус все время гаснет. Техника — полный отстой! Что делать?

ЛЮДМИЛА. Ты еще спроси — кто виноват...

КАТЯ. Ты чего такая — на метле?

ЛЮДМИЛА. Ученик у меня на другом конце города. Приезжаю, как обычно, а его мама мне говорит: "Сережа заболел. Я вам звонила-звонила,

чтобы предупредить...". Я ж не стану ей объяснять, что у нас телефон отключили. Полдня проездила. А мне сегодня еще сочинения проверять. Опять при свечах буду сидеть. С керосинкой не могу — так воняет.

КАТЯ. Ма! Я тебе тут привезла... (*Выходит на кухню, возвращается и ставит на стол коробку.*) Вещь — супер, специально для подводников. Тут радиоприемник плюс фонарь. На батареях.

ЛЮДМИЛА. Солнышко, спасибо тебе. (*Целует ее.*) Ну что, пошли бороться с примусом?

КАТЯ. Не, мне уже идти пора. Я вообще на минутку заскочила, фонарь отдать и узнать, как вы тут. Ты бы хоть с работы мне звонила.

ЛЮДМИЛА. В учительской телефон вечно занят.

КАТЯ. Без телефона — еще туда-сюда, но без воды... Я картошку почистила, а потом из ковшика руки полчаса отмывала!

ЛЮДМИЛА. Там мне осталось? Сольешь?

КАТЯ. Вы откуда воду носите?

ЛЮДМИЛА (*старается говорить весело*). Кафешка через дорогу. Пока пускают. Жалеют. Говорят: "Вам надо коромысло купить — легче будет". А я им объясняю, что когда коромысло придумали, тогда еще "хрущевок" не было. Не зря у нас лестничные площадки клетками называются. С коромыслом — застрянешь.

КАТЯ. Что папа?

ЛЮДМИЛА. Уговаривает потерпеть. Ходит за водой, таскает консервы, воюет с примусом. Говорит, что еще немного — и обедать будем в ресторане. Каждый вечер.

КАТЯ (*обнимает Людмилу, целует ее*). Все, мамуль, я понеслась.

ЛЮДМИЛА. Ладно. А я пока буду вещи собирать. Начну с зимних. Чем бы ни закончилось — а складываться надо.

КАТЯ. Последнее китайское предупреждение: если что... Мой адрес вы знаете. (*Уходит.*)

Оставшись одна, Людмила раскрывает коробку, достает приемник-фонарь, включает его, настраивает волну. Звучит песня:

"Песню дружбы запевае молодежь,
молодежь, молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь,
не убьешь, не убьешь!"

Людмила открывает шкаф, достает дорожную сумку и начинает складывать одежду. Входит Виктор. В руках у него несколько рулонов обоев и бутылка водки.

ВИКТОР. Привет! (*Ставит бутылку на стол, около банки с помидорами.*) Ух ты, музыка! Откуда?

ЛЮДМИЛА. Катя подарила.

ВИКТОР. Душно у нас...

ЛЮДМИЛА. Что ты хочешь? Полдня примус горел. Но картошка все равно полусырая.

ВИКТОР. Под водочку и такая сойдет.

ЛЮДМИЛА. Есть повод?

ВИКТОР. Сразу два! С какого начать?

ЛЮДМИЛА (*смотрит на него с надеждой*). Не пугай меня.

ВИКТОР. Люда, все как нельзя лучше! Я только что с фирмой говорил... (*Делает таинственную паузу.*)

ЛЮДМИЛА. Ну?!!

ВИКТОР. Угадай, сколько?

ЛЮДМИЛА. Вить! Не зли меня!

ВИКТОР. Семьдесят!

ЛЮДМИЛА. Вить... Я... Хватит, да? Все, сил больше нет. Примус, ведра, свечки... Вить, ты гений. Честно, я не думала, что у тебя получится их до такой суммы дожать. Здорово! И себе квартиру получше найдем, и Кате останется...

ВИКТОР. Смотри. (*Распакowывает один из рулонов, разворачивает, прикладывает к стене.*) Нравится?

ЛЮДМИЛА. Очень. Только с обоями все-таки надо было подождать, вдруг комнаты будут нестандартного метража. Придется докупать... Или наоборот...

ВИКТОР. Какого — нестандартного? У нас тут все меряно-перемеряно. Эти — в спальню, а сюда, в большую, что-нибудь посветлее поищу.

Пауза.

ВИКТОР. Завтра-послезавтра и начну.

Пауза.

ВИКТОР. Ну что, за стол? Как-никак, праздник сегодня. Мир, труд, май! Вот за труд и выпьем, за начало ремонта.

ЛЮДМИЛА. Витя, ты что? Какой ремонт? Где?

ВИКТОР. Здесь.

ЛЮДМИЛА. Витя, ты помнишь, что Таня про психбольницу рассказывала? Мне кажется, что у них есть для этого все основания. Зачем ремонт?

ВИКТОР. Затем. Чтобы они поняли, что это серьезно. Что я останусь здесь до тех пор, пока они не пойдут на мои условия.

ЛЮДМИЛА. Твои условия? Ты забыл, что ты тут не один. И пока не

на капитанском мостике. Я не хочу больше слушать твой бред о кораблях и креветках!!!

ВИКТОР. Я об этом и не говорю. Успокойся, не собираюсь я покупать пароход.

ЛЮДМИЛА. Почему тогда... Зачем все это?

ВИКТОР. Дело не только в деньгах. Меня всю жизнь как пешку двигали, куда хотели. За меня всё решали. Раньше выбора не было, теперь мой бюллетень из одной урны в другую бросают. Мусорную. Они нас не слышат. И слышать не хотят. Но в шахматах есть правило — если пешка доходит до последней линии, до края доски, она превращается в ферзя. Я сейчас — на предпоследней линии.

ЛЮДМИЛА. А я — уже на последней. Витя, я больше не могу.

Людмила берет сумку, в которую только что складывала свитера, все из нее вытряхивает и кладет свой халат, выходит из комнаты в ванную, возвращается с полотенцем, зубной щеткой и шампунем, все укладывает в сумку.

ВИКТОР. Ты что — серьезно?

Людмила не отвечает.

ВИКТОР. И куда же это?

ЛЮДМИЛА. Ты же сам говорил: "Временно перекантуешься". Вот я у Кати и перекантуюсь. Пока не сниму себе комнату.

ВИКТОР. Что ты снимешь? И будешь там своего ученика принимать? Ну и снимай! А я не сдамся!

ЛЮДМИЛА. Витя, нам дают хорошие деньги. Давай согласимся и закончим весь этот кошмар. В конце концов, я женщина, а не десантник.

ВИТЯ. Люда, неделя осталась, не больше! Честное слово!

ЛЮДМИЛА. Жить хочется, а не бороться, понимаешь! Жи-и-ить!

Виктор пытается ее обнять. Людмила отстраняется.

ЛЮДМИЛА. Да ну тебя! (*Идет к двери.*) Жду внизу две минуты. Не выходишь — уезжаю к Кате.

Виктор пытается ее задержать, но Людмила отталкивает его и уходит. Виктор выходит на кухню, тут же возвращается, нервно ходит по комнате, запикивает в шкаф разбросанные вещи.

Раздается стук в дверь. Виктор бежит открывать. Возвращается разочарованный, вместе с Виталием.

ВИТАЛИЙ. Ты один?

ВИКТОР. Не то слово. А ты Людмилу не встретил?

ВИТАЛИЙ. Нет. *(Подходит к столу, видит водку и помидоры.)* Во! У тебя все готово! Посидим? Убирай свою водку. *(Достает из сумки бутылку коньяка и коробку конфет.)* И помидоры убери. Лучшая закуска под коньяк — чернослив.

ВИКТОР. Ты что, Бухара, пить начал?

ВИТАЛИЙ. Как тебе сказать... С твоей легкой руки.

ВИКТОР *(прихихивается).* Ты что — уже? Так... Ты сегодня только закусьиваешь. А вот у меня поводов много. А — ушла жена. Б — пролетарский праздник. В — начало ремонта. Г — гость в доме. Дорогой гость. Очень дорогой. А скоро будет еще дороже.

ВИТАЛИЙ. Как — жена ушла?

ВИКТОР. Шучу. К дочке поехала.

ВИТАЛИЙ. Ремонт — тоже шутка?

ВИКТОР. Нет, ремонт всерьез.

ВИТАЛИЙ. Тебе помощники не нужны?

ВИКТОР. Сам управлюсь.

Садятся за стол. Виталий наливает, поднимают рюмки.

ВИКТОР. За солидарность!

Выпивают.

ВИТАЛИЙ. Вот ты мне скажи — чего ты хочешь?

ВИКТОР. Опять — двадцать пять... Я хочу двести тысяч.

ВИТАЛИЙ. Не-е-ет, я не об этом. Вообще — чего ты хочешь?

ВИКТОР. Я? Жить. Как человек. И чтобы семья жила — как люди.

ВИТАЛИЙ. Чего ж не живете?

ВИКТОР. Не давали! Ты, Виталик, молодой, в другое время жить начал, тебе не понять.

ВИТАЛИЙ. Кто-то тебе мешал жить, а я за это должен расплачиваться?

ВИКТОР. Ты-то при чем? Не из твоего кармана деньги.

ВИТАЛИЙ. Много ты понимаешь, что из чьего кармана идет... А нервы? Я с вашим домом полгода вожусь! Одному район не подходит, второму — вид из окна... Третья сумасшедшая кот в сумке таскает. Я ее спрашиваю: "Вам квартира нравится?". А она: "У Барсика шерсть дыбом, нехорошо это..."

ВИКТОР. Но с Барсиком-то все удачно обошлось.

ВИТАЛИЙ. Конечно! Нашли нормальную квартиру, продавцы уже за бугор уехали. Я перед тем, как бабку туда вести, в нескольких местах ва-

лерьянки капнул. Только дверь открыл — Барсик в эту хату как рванет! Бабка его оттуда потом еле вытащила: "Кисонька, пошли домой!".

ВИКТОР (*наливает*). Вот за что я люблю цыган — они никогда не воруют о работе.

ВИТАЛИЙ. Понял! (*Поднимает рюмку.*) За дружбу народов!

Выпивают.

ВИТАЛИЙ. Почему все этот дом называют домом Павлова? Мы же не в Сталинграде.

ВИКТОР. Жило-было одно СМУ. И строило оно дом. Для себя. То есть для своих работников. Те старались — в три смены, субботники, воскресники... Все — в коммуналках, в общагах, об отдельных квартирах мечтали, как о загробной жизни. Дом сдали — а ордера не выписывают. Слух прошел, что обком для себя забирает. Вы, мол, потерпите, следующий, рядом — точно ваш будет...

ВИТАЛИЙ. Построить дом — не искусство. Искусство — получить в нем квартиру. И что дальше?

ВИКТОР. Тогда начальник по фамилии Павлов собрал всех и сказал: чтоб завтра вселились. Все, как один!!! Чтоб к вечеру занавесочки висели, а на балконах белье сушилось. Если кто испугается без ордера въезжать — то смелых на другой день с милицией выселят. А всех — не посмеют. Скандал на всю страну. Так и сделали. Фактически захватили дом. Полгода ордера не выписывали. Каждую ночь тряслись — ждали штурма. Но обошлось.

ВИТАЛИЙ. Ты тоже тогда поселился?

ВИКТОР. Не, это когда было!.. Мне теть рассказывал.

ВИТАЛИЙ. А какую начальник себе взял? Четырехкомнатную?

ВИКТОР. Под номером тринадцать. Это ты в его квартире сейчас коньяк черносливом закусываешь.

ВИТАЛИЙ. Так Людмила по документам... А, ну да, это ж девичья фамилия... Значит, это у вас в роду — оборону держать. Вить, я как атрибут праздничного стола предлагаю ее снять и подписать мирный договор в объеме семидесяти пяти тысяч. На что уполномочен высшим руководством.

ВИКТОР. Две-е-сти. Знаешь, как пишется? Двойка и два ноля.

ВИТАЛИЙ. Я не понимаю! Мне чтобы такие деньги заработать, знаешь, сколько пахать надо? А тебе — за что? Я много разных людей на своей работе вижу. Есть трудяги. Пахари. И я их уважаю. Я сам такой. А есть искатели шансов. Попробует в одном месте легких денег, не получится —

идет в следующее. Там нет — снова ищет. А на одном — долго, упорно, по кирпичику...

ВИКТОР. Это я — искатель шансов? Много ты про меня знаешь! Я пятнадцать лет отмотал... от звонка до звонка... Учителем в школе. ...Потом как-то послали на конференцию в Москву... Хотел апельсины купить. Домой позвонил, Люда говорит: Катя заболела, купи лекарство. Купил, вижу — на апельсины не хватает. Решил взять чищенные. Полтора часа простоял — не досталось. Домой вернулся и уволился из школы. Я тогда понял: чтобы иметь деньги — надо работать. Чтобы иметь больше денег — надо больше работать. А чтобы иметь большие деньги — надо что-то другое.

ВИТАЛИЙ. А тебе нужны только большие? Витя, ты понимаешь, что по-твоему не выйдет?

ВИКТОР. На этот раз — выйдет. И никакие ваши окончательные решения не пройдут. У меня, кстати, вчера корреспондентка была. Из левой газеты, но девушка толковая. Все осветит правильно.

ВИТАЛИЙ. Капитана спросили: что будет, если судно столкнется с айсбергом? Он ответил: айсберг поплывет дальше... А ты даже не на корабле. Ты, Витя, на ма-а-аленькой лодочке. С двумя веслами, в парке культуры. А мы поплывем дальше...

ВИКТОР. Виталик! Моряки не плавают. Моряки ходят. А плавают — знаешь что?

ВИТАЛИЙ. Вить, чего ты такой грубый? Давай еще по одной. За мир во всем мире и в каждой квартире.

Виктор наливает, выпивают.

ВИТАЛИЙ. Ну, я пойду. А ты звони.

ВИКТОР. Звонить я могу только в колокол. Судовой.

ВИТАЛИЙ. На! *(Кладет на стол перед Виктором свой мобильный.)* Мне для хорошего клиента ничего не жалко!

ВИКТОР. Стоп! Есть тост! *(Снова наливает.)* За связь с телефоном вашего абонента!

ВИТАЛИЙ *(снова садится за стол).* Поддерживаю!

Выпивают.

ВИКТОР. А я тебе знаешь, что подарю? Набор для дуэли. С тридцати шагов. Через платок. *(Выходит в прихожую возвращается с пейнтбольными ружьями.)*

ВИТАЛИЙ. Ты меня вызываешь?.. И как этим пользоваться?

ВИКТОР. Сейчас научу. Все равно новые обои клеить буду. Смотри. (*Прицеливается.*) Спорить с тренером по борьбе может только тренер по стрельбе... (*Стреляет в стену, на ней расплывается красное пятно.*)

ВИТАЛИЙ. Дай я попробую. (*Долго целится.*) Стендаль советовал дуэлянтам, пока заряжают пистолеты, считать листья на деревьях.

ВИКТОР. А ты откуда знаешь?

ВИТАЛИЙ. Я по нему диссертацию писал. (*Стреляет в другую стену. Эффект тот же.*) Это дело надо отметить.

Наливает. Выпивают. Виктор включает радио. Раздается песня "Врагу не сдастся наш гордый "Варяг". Виктор с Виталием, обнявшись, подпевают:

Наверх, вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый "Варяг",
Попадай никто не желает"...

Картина шестая

Та же комната, в которой стало гораздо больше вещей. У одной стены стоит платяной шкаф и тумбочки, которых здесь раньше не было. На полу — узлы с вещами. Возле другой стены — стремянка, ведра, рулоны обоев. На столе — транзистор. Из него доносится голос диктора, рассказывающий о параде.

Из спальни выходит Виктор. Он одет в старые замызганные спортивные штаны и футболку, на голове — свернутая из газеты треуголка. Виктор выключает приемник, берет со стола мобильный телефон, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Костя? Привет, это Витя. С праздничком тебя! (*Пауза.*) Да нормально все. Нет, не переехали, еще воюем. До победного. По любому, сегодня-завтра все решится. Я же их задерживаю. (*Пауза.*) Да, кроме меня — никого. (*Пауза.*) Ерунда, все будет нормалек! Про счетчик я помню. (*Пауза.*) Само собой! Обмоем по высшему разряду. (*Пауза.*) Откуда звоню? Атланты мобильник дали. Подлизываются. А у тебя как на новом месте? (*Пауза.*) Да-а, это проблема... Слушай, ты ж говорил, что у тебя еще деньги оставались. На черный день. (*Пауза.*) Уже? Ну ты... Шмайсер... прости, Шумахер! В смысле — быстрый. Конечно, отдам и одолжу одновременно, когда потрясу Атлантиду... Слушай, я тут обои клеить собрался... Так надо, Костя! Они мне еще по десятке за каждый рулон накинута... Давай о деле. Сколько в клейстер муки класть? (*Пауза.*) Всего? И будут держаться? (*Пауза.*) Чего ж у меня не получается? А какой водой — горячей или холодной? Кипятком? Это мне примус опять разжигать... Не-е-е, Костер, ты ничего не понимаешь... Ну ладно, буду дальше звонить. У тебя бабы Стали телефон есть? Диктуй! (*Пауза. Затишье.*) Конечно, найду как-нибудь. Ну, бывай.

Снова набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Сталина Петровна? Это Виктор беспокоит. С праздником вас, с днем Победы! *(Пауза.)* Правильно, тетя Сталя. Наш народ непобедим! Дали им, гадам, как положено! *(Пауза.)* Спасибо, передам... *(Пауза.)* Нет, еще со старой. Еще не переехали. *(Пауза. Продолжает с грузинским акцентом.)* Адын, савсэм адын. Но есть свои преимущества. За стенкой тихо, на голову не капает, так как воду отключили. Вместе со светом и телефоном. *(Пауза.)* По мобильному. Растет благосостояние трудящихся на постсоветском пространстве! Сталина Петровна, я к вам за советом. Последний раз обои клеил — не помню когда. Забыл, как клейстер варить — сколько муки, сколько воды... *(Пауза.)* Соли не надо? Да, запомнил. *(Пауза.)* Это я на всякий случай, к ремонту готовлюсь... Тетя Сталя, как только переберемся — придем в гости, все расскажем. *(Пауза.)* Что? *(Пауза.)* Последний герой? В каком смысле? *(Пауза.)* А-а-а, передача... Нет, у нас же света нет, какой телевизор... Ладно, тетя Сталя, еще раз с праздником, деду привет и поздравления. Он уже сто фронтовых принял? Ну, дай Бог ему здоровья! До свидания.

Виктор уходит на кухню, возвращается с примусом в руках. Разжигает его, потом приносит из кухни ведро воды и ставит его на примус.

Звонит мобильный телефон.

ВИКТОР. Алло! *(Пауза.)* Привет, Виталий! С праздником тебя! *(Пауза.)* Здоровье? Не дождетесь! А в чем дело? *(Пауза.)* Кто сказал? *(Пауза.)* С чем поздравляешь? *(Пауза.)* С каким задатком? *(Долгая пауза.)* Люда с Катей? *(Пауза.)* Почему без моего согласия? *(Пауза.)* Ну и что, что я не ответственный квартиросъемщик! Какая разница, на кого она приватизирована! А прописка? В смысле — регистрация. *(Долгая пауза.)* Значит так. Никакого согласия я не давал. И не собираюсь. И вы это прекрасно знали. И вы не имели права оформлять задаток без меня. *(Пауза.)* Это все незаконно, и вы, мошенники, это прекрасно знаете. Ничего у вас не выйдет! *(Пауза.)* Восемьдесят тысяч? Виталий! Я уже тебе сказал: нет денег — не стройте! *(Пауза.)* Что заказали? Кран с бабой? Это ваши проблемы. Надо было меня спросить. Позвонить вот по этому телефону и спросить. Почему ты не позвонил? Я тебе скажу, почему: ты дал им задаток, чтоб загнать меня в угол. Я все равно отсюда не уйду. *(Пауза.)* Сегодня начнут ломать? Пожалуйста. Только вместе со мной. Готовь теплые белье... Себе и своим буржуйам. *(Пауза.)* Посмотрим.

Виктор прохаживается по комнате, закуривает, берет телефон и набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Катя?! *(Пауза.)* Мне только что маклер звонил. Сказал про задаток. Как вы могли? Это же предательство!!! *(Пауза.)* Да при чем здесь ломбард?! Кать, послушай... *(Пауза.)* Катя... *(Долгая пауза.)* Кать, я для тебя никогда ничего не делал? Конечно! Катал на санках — и простудил. *(Пауза.)* Давали тебе то, что и всем остальным. А сейчас здесь сижу — для себя? Я же хотел, чтобы ты... чтоб мама... *(Долгая пауза.)* Тебе однокомнатной хватит? Дурочка! Из одной клетки — в другую. А я хотел тебе трехкомнатную... *(Долгая пауза.)* Что?.. Когда? *(Пауза.)* А замуж? *(Пауза.)* То есть без квартиры он к отцовству не готов? Хороший мальчик! *(Пауза.)* А что же ты раньше ничего не говорила? *(Пауза.)* Ладно... Ну, дай Бог... Все, Кать, не плачь, не надо. Теперь тебе только положительные эмоции нужны... Мальчик или девочка? *(Пауза.)* Рано еще? Понял, не дурак. *(Пауза.)* Ладно, Катюш... Что сделано — то сделано. А квартиру я тебе трехкомнатную подберу. Возле парка. Чтобы гулять было рядом. Ты сегодня ела хоть что-нибудь? Фрукты ешь. И хватит скакать в своем театре. *(Пауза.)* Что я — не знаю? Классика — в корсете, современное — колесом ходить. *(Пауза.)* Ладно... Мама у тебя? А где? *(Пауза.)* Дай мне номер. Ничего, я объясню. Кать, я тебя люблю. Все будет хорошо. И обязательно поешь.

Виктор включает приемник, звучит песня из фильма "Белорусский вокзал":

"Здесь птицы не поют,
деревья не растут,
и только мы плечом к плечу
встаем в землю тут..."

Раздается стук в дверь. Виктор выключает приемник, тихонько подходит к двери в прихожую, прислушивается. Стучат все настойчивее. Слышны голоса: "Там он? — Да там, там... Звони еще". Снова колотят в дверь, слышен голос: "Откройте, это спасатели! В парадной кто-то разлил ртуть, необходимо всех эвакуировать! — Так, открывать не собираются.

Коля, пошли за ломом..."

Виктор берет со стола мобильный телефон, смотрит на бумажку, набирает номер.

ВИКТОР. Алло! Люда! Люда, они разлили ртуть!!! *(Пауза. Виктор с минуту молчит и слушает.)* Люда, ты не думай, я все понимаю. Глупо это все. Нет, не глупо... Поздно. Как ты говорила? Главное слово в русской литературе — "поздно"... Знаешь, я в спальне старые обои ободрал. Все оттуда вынес. Там теперь пусто и чисто. ...Три слоя было. В самом низу — желтые. Ты их помнишь? А я забыл. Там еще Катькины художества... Мы ее в угол поставили, а она с тумбочки губную помаду взяла и на обоях написала: "Дураки". Людка, какие мы с тобой дураки... Зачем ты ушла? Мне одному, без тебя, ничего не нужно. Я же это все... Хотел, чтобы тебе было

хорошо. Чтобы ты мной гордилась, а не жалела. Мы же столько лет... Ты все понимала... И сейчас все бы получилось. Если бы вы не взяли деньги. *(Кричит.)* Зачем ты их взяла?! *(Пауза.)* Что-то они притихли. Может, пошли другие квартиры проверять? Это они зря. Тут больше никого нет, кроме меня. Я последний. *(Пауза.)* Я только что с Катей разговаривал. Она мне все рассказала. Дай Бог, чтоб все было хорошо... *(Пауза.)* Я сегодня ночью проснулся... Света нет, воды нет, в первый раз за двадцать пять лет так тихо — ни у кого телевизор не бубнит, музыка не играет, краны не шумят. Грибники не звонят. И ученики твои... По лестнице никто не топает. И все равно — дом живой. Поскрипывает чем-то, вздыхает. Не спит. Готовится... *(Пауза.)* Это хорошо, Люда, что я тебя не застал... Наверное, ты сейчас и говорить со мной не стала бы... А так автоответчик прослушаешь. *(Пауза.)* Прости меня, дурака.

Виктор кладет телефон на стол, уходит в спальню и закрывает за собой дверь. Слышен грохот — взламывают входную дверь. В комнату входят трое в рабочих спецовках.

ПЕРВЫЙ. Ну и где он?

Один уходит на кухню, другой направляется к спальне, открывает дверь и заглядывает туда. Первый берет со стола оставленный Виктором мобильный телефон, рассматривает его и, оглянувшись на напарника, кладет телефон в карман.

ВТОРОЙ *(возвращается с кухни).* Никого. И в сортире тоже.

ПЕРВЫЙ *(Третьему, который стоит у двери в спальню).* Ну?

ТРЕТИЙ. Пусто.

ПЕРВЫЙ. Посмотри нормально.

ТРЕТИЙ. Что — посмотри? Комната пустая, голые стены. Он все вещи сюда вынес.

ПЕРВЫЙ. Пройдите еще раз, везде гляньте.

Первый включает радиоприемник. Звучит песня "День Победы":

"...Дни и ночи битву трудную вели,
Этот день мы приближали как могли.
Этот День Победы порохом пропах,
Это праздник с сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах.
День Победы, День Победы, День Победы!"

Второй и Третий осматривают комнату, заглядывают под диван и в шкаф, выходят на кухню, возвращаются.

ТРЕТИЙ. Но он же тут был.

ПЕРВЫЙ. ...или не был. Какая разница? Сейчас — нет. Даем отмашку, пусть ломают.

ТРЕТИЙ. Но мы ж слышали, как он по телефону разговаривал.

ПЕРВЫЙ. А может, нам послышалось?

ВТОРОЙ (*протирает шею*). Че за фигня? (*Смотрит вверх*.) С потолка капает.

ПЕРВЫЙ. Что капает? Тут уже месяц как воду отключили!

Смотрят на потолок, отходят в сторону двери.

ВТОРОЙ. Пошли отсюда.

Все трое торопливо выходят. Из оставленного радиоприемника все громче слышна песня "День Победы". Постепенно ее заглушает грохот — дом дрожит, рушится одна из стен, с потолка падают куски штукатурки... Затем гаснет свет, все смолкает, и в наступившей тишине слышно, как с ритмичным звуком падают капли...

Одесса. Февраль, 2005

